

Андрей Буторин

Сильнее боли

*Выражаю
искреннюю
благодарность
мурманскому психологу
Марине Табейкиной за
помощь в проработке
психологической
сюжетной линии, а
также моей коллеге
Юлии Сысоевой за
ценные замечания и
советы.*

*Моим сестренкам —
родной и двоюродным —
посвящается*

*Что же выходит —
и пробовать нечего,*

*Перед туманом
ничто человек?*

*Но от тепла, от
тепла человеческого*

*Даже туман
поднимается вверх.*

В. С. Высоцкий

В голове не осталось мыслей, только обрывки картинок и звуков. Сначала он увидел вращающееся небо, потом кувыркающуюся землю. Земля была далеко внизу, но стремительно приближалась. Потом он услышал вой. Страшный, ни на что не похожий вой, который не могло издавать ни одно живое существо.

Затем пришла темнота. И боль. Жуткая боль во всем теле, в каждой его клетке. И это тело больше не слушалось его, только болело, болело, болело...

Потом боль медленно, выливаясь, словно кровь из разорванных вен и артерий, покинула его. Осталась одна лишь тьма. Вой тоже исчез, когда пришла боль, а может быть, даже чуть раньше... Неважно, ведь вой — это всего лишь звук, каким бы страшным он ни казался. Боль куда сильнее звуков, а первенство всегда остается за сильным. Победителю — почет и внимание, вся добыча его; остальные — аутсайдеры, о них нужно забыть, не обращать внимания, не тратить на них силы, которых и так почти не осталось. Но и победители когда-то оказываются побежденными. Вот сдалась и боль. Однако тьма недолго упивалась победой. Она никуда не делась, но не была уже единственной на победном Олимпе. К ней добавилась музыка, а потому и сама темнота не казалась уже абсолютно

темной.

Впрочем, музыка тоже могла называться таковой лишь условно. Звучали аккорды. Протяжные, длинные. И в них странным образом уживались как непередаваемый диссонанс, так и обворожительно-притягательная сила. Хотелось слушать эту музыку бесконечно, и вместе с тем она пугала настолько, что хотелось скорее умереть, потому что звуки эти обещали тоже гибель, только мучительную, долгую и ужасающую своей непонятностью.

Затем появились глаза. Тьма, аккорды какофонии смерти и глаза. Немигающие, без век и ресниц. Нечеловечески круглые. В них не было белка — лишь огромные черные отверстия зрачков. И в этих пустых отверстиях не отражалось ничего. Они казались дырами, ведущими в никуда, в которое его стало затягивать. Впрочем, он уже не ощущал себя собой, не ощущал себя человеком, не ощущал себя никем. Он растворялся в черных дырах немигающих глаз и не пытался сопротивляться. Ему стало все равно. Ему стало никак. До тех пор, пока тьма не растворила его в себе полностью. Тогда вновь появилась боль. Не такая жуткая, как вначале, а тягучая, неспешно пульсирующая, в чем-то даже приятная.

Ему стало казаться, что он живет с ней давно. Всегда. Вечно. И что сильнее боли ничего в мире не

было, нет и не будет.

1

Почему так болит голова? Дикость!.. Она не помнила, чтобы у нее так болела голова. За все двадцать пять лет — ни разу так сильно. И эта внезапная боль не просто была очень сильной — она будто кусалась, словно злая собака, не пускающая чужака... куда?... В собственные же воспоминания?... Гале подумалось вдруг, что боль и впрямь «вела себя» словно живое, а то и разумное существо. От этого сделалось неуютно и страшно. А потом сразу — стыдно. Это же надо, до чего она додумалась: боль у нее живая! Совсем, видать, мозги переклинило. Или это уже старость подкрадывается?

Галя фыркнула и сразу сморщилась от нового приступа боли. Да что же это такое? Ведь голова просто разламывается на куски!

— Мамочка, ты чего? — подскочил и дернул за полу халата Костик. — Тебе горькое на язычок попало, да?

— Все хорошо, котенок, — попыталась улыбнуться Галя. — У мамы головушка болит. Сейчас пройдет.

— Давай позвоним в больничку, — по-взрослому насупил бровки Костя. — Позовем

тетю доктора, и она тебя вылечит.

— Ты мой хороший! — прижала к себе Галя сына и легонько потрепала мягонький, белый ежик. — Заботливый мой котенок... — Она поцеловала Костика в макушку и почувствовала, как резко отпустила голову боль. Словно разжались гигантские клещи, изощренно пытавшие ее только что.

Костя ощутил, как вздрогнула мама, и поднял на нее огромные синие глазищи. Увидел на мамином лице счастливую улыбку и тоже улыбнулся:

— Перестала болеть, да? Не надо доктора звать?

— Ты мой самый лучший доктор! — снова обняла Галя Костика. — Когда ты со мной рядом — все мои беды улетают.

— Я не доктор, — замотал головой Костя. — Мне четыре года, а во столько годов люди еще не умеют лечить. — И тут же переключился на второе Галино замечание: — А куда улетают твои беды? В жаркие страны?

— Уж лучше пусть на Северный полюс летят. Там им самое место!

— Когда вырасту, тоже поеду на Северный полюс, — сказал Костик.

— Зачем? — рассмеялась Галя. — Ловить мои беды? Там же холодно, на полюсе!

— Я тепло оденусь, — успокоил ее сын. — А твои беды уже льдинками станут. Как чупа-чупс. И потом их Умка съест. И маму угостит. А я приду — и дам ему настоящий чупа-чупс. И он догадается, что твои беды были невкусными.

— Ох, ты мой фантазер! — вновь потрепала Галя беленький ежик сына. — Но придется Умке еще тебя подождать. А сейчас, боюсь, тебе пора спать ложиться.

— Не бойся, мама! — Глазенки Костика вспыхнули радостной синью. — Я не буду ложиться!..

— Как это не будешь?... — оторопела Галя. А потом не удержалась, засмеялась, уткнувшись в мягкую, пахнущую молоком, солнцем и счастьем Костину макушку. — Ты мой хитрющий котеночек!..

Костя заснул очень быстро, не дослушав и половины сказки, что читала ему Галя. Она осторожно положила книжку на тумбочку, пригасила свет лампы и на цыпочках вышла из спальни. Медленно, стараясь не скрипнуть петлями, закрыла дверь. Давно бы надо смазать, да все руки не доходят. И вспоминается лишь в такой момент, как сейчас вот. Ну, ничего. Зато теперь есть часа три, чтобы от души побездельничать. Почитать, например. Телевизор смотреть совершенно не

хотелось, на счете за Интернет кончились деньги... Может, оно и к лучшему. Просидела бы опять до трех ночи в чате! А толку, спрашивается? От этих виртуальных знакомств — только одно расстройство. Вот почему она так легко знакомится в Сети, а наяву это — ну никак не получается? Впрочем, один раз получилось... Галя вздохнула и покосилась на дверь, за которой спал Костик. «Ну и пусть! — подумала она. — Зато у меня теперь есть мой самый лучший на свете котенок, моя радость, мое славное солнышко! И никто нам больше не нужен, правда?»

Она подмигнула своему отражению в зеркале, висящем в прихожей. Отражение подмигнуло в ответ не очень-то жизнерадостно. Видать, имело на этот счет иное мнение.

Галя внимательно посмотрела в глаза зазеркальной упрямыце. Они были такими же большими и синими, как у Костика. Только у сынишки небо, отраженное в них, не закрывали темные тучи тоски и боли.

Она критически окинула взглядом остальные детали отражения. Волосы — тоже почти Костины: такие же светлые и короткие. Ну, подлинней, конечно, чуть-чуть, не ежик. Нос аккуратный, чуть курносый. Губы — в меру пухлые. Ну что еще этим мужикам надо?! Хотя известно что.

Вздохнув, она продолжила «осмотр».

Опустила взгляд на шею — осталась ею вполне довольна: высокая, тонкая, ни морщиночки, — потом на грудь. Не футбольные мячи, конечно, но и не пустое место.

И все бы хорошо, но вот фигура!.. Галя невольно поморщилась. Мало того что рост — под метр восемьдесят, так еще эти широченные плечи, почти полное отсутствие талии... И не потому что она толстая. Вовсе нет! Просто такая вот конституция по наследству досталась. И мама у нее ширококостная, и бабушка. Говорят, прабабка тоже «особой статью» отличалась.

Галя в очередной раз вздохнула, прищурилась, посмотрела в зеркало сквозь опущенные ресницы — так, что черты лица стали размытыми. Ну настоящий мужик — ни дать, ни взять! Недаром на нее старшеклассницы и молоденькие студенточки оглядываются, когда она в джинсах, куртке и без шапки разгуливает. Издалека очень даже на смазливую паренюшку похожа. Волосы, что ли, подлинней отрастить? Но с ними, длинными, столько мороки! А времени, особенно по утрам, и так всегда не хватает.

Она бросила на отражение еще один взгляд и собралась уже отвернуться, как вдруг увидела, что из зеркала пристально смотрит на нее страшное, смертельно худое и осунувшееся лицо почти лысого мужчины с черными мешками под глазами.

Галя вздрогнула и заморгала. Ее собственное отражение так же испуганно моргало в ответ. И стремительно бледнело.

Она опустилась на пуфик, схватилась ладонями за щеки. Что это с ней? Сначала голова чуть от боли не треснула, теперь лысые упыри мерещатся! А все из-за этой нервотрепки. Из-за бесконечного дерганья, самобичевания. Надоело быть одной, хочется счастья?

Да, хочется! Очень хочется!.. И ведь ничего особенного, сверхъестественного она не просит. Простого, обычного женского счастья. Чтобы идти домой и знать, что тебя там кто-то ждет. И не надо, чтобы этот кто-то был суперменом, сексуальным гигантом, нобелевским лауреатом или писателем-фантастом!.. Пусть он хоть простым шофером будет или даже... школьным учителем, не дай, конечно, бог. Пусть он зарабатывает мало, пусть для него Чехов «Му-му» написал, пусть он Паганини со спагетти пугает. Пусть, пусть, пусть!

Галя стукнула кулаками по коленям. А вот и не пусть! На хрена, спрашивается, ей такой гоблин нужен? О чем она с ним говорить будет? Какое такое счастье она с этим тупым учителем увидит?

А какое бы она увидела счастье с тем лысым толстяком Игорем, что год назад зачастил к ним в офис? Да и не в том дело, что он лысый и толстый, — какая, собственно, разница? Зато

вполне себе интеллигентный и не бедный, судя по всему, — во всяком случае, сводив ее два раза в ресторан, цены в меню с тоской не разглядывал. На вспыхнувшие чувства намекал, руку лобызал, глаза закатывал... Зато как только про Костика узнал, так вся его внезапная любовь разом и кончилась.

Так что не надо ей ни худых, ни толстых, ни лысых, ни волосатых. Лучше уж одной жить, чем сыну жизнь портить, то одного, то другого «папу» примеривая. И чтобы какой-то козлиная потом ей своим «благородством» в нос тыкал: взял, дескать, с довеском, так молись теперь на меня! А свой нос при этом от Кости бы воротил... Нет-нет-нет! Уж лучше одной!..

И она ведь не одна! Разве ей с Костиком скучно? Разве не рвется сердце от счастья, когда она смотрит в эти синие глазенки, слышит его восторженный голосок?

«Что тебе еще надо, дура?!» — прошипела Галя, обращаясь к зеркалу.

Делать ничего не хотелось. Настроение испортилось окончательно. Она включила торшер и села в кресло. Рука машинально потянулась к журнальному столику, но там, кроме газеты с объявлениями, ничего не было. Галя равнодушно перевернула несколько мятых страниц и собралась уже отложить газету, как ее внимание привлекли

вдруг пометки, сделанные шариковой ручкой. Галя удивленно вскинула брови, увидев, что на странице обведено пять телефонных номеров. Но еще больше она поразилась, когда прочитала название раздела, в котором размещались эти объявления: «Магия, гадание, ворожба».

Галя презрительно фыркнула и отбросила газету, которая, скользнув по гладкой столешнице, упала на пол. «Туда ей и дорога!» — подумала Галя. Это ж надо, до чего она докатилась! Чуть к гадалкам за помощью не бросилась!..

Но когда же она успела сделать эти пометки? Галя нахмурилась, потерла лоб, но в голову ничего не приходило. Пришлось вставать и поднимать газету с пола. На ней оказалась вчерашняя дата. С трудом, но Галя все же вспомнила, что стояла вчера у прилавка с газетами вечером в магазине, как раз на выходе из продовольственного отдела, где больше всего покупателей. Нет-нет, да и привлечет внимание какой-нибудь заголовок, что-нибудь да и купишь. А вот почему она решила взять именно эту газету? Неужели и впрямь из-за гадалок? Или надеялась прочитать объявление о том, что одинокий молодой принц ищет белую лошадь... то есть дебелую дуру вроде нее?

Она перевернула несколько страниц и нашла раздел «Знакомства». Нет, тут ничего помечено не было. Значит, все-таки из-за гаданий?... Но почему

же она ничего не помнит? Что-то с ее головой определенно происходит. То память теряет, то раскалывается на части.

Галя осторожно дотронулась кончиками пальцев до висков. Голова была тяжелой, но не болела. И все-таки это ненормально. Наверняка и забывчивость, и головная боль — звенья одной цепочки. Если такое станет повторяться — надо будет обратиться к врачу. Не хватало еще умом тронуться! Как тогда Костик без нее? Бабушка с дедушкой, конечно, его не оставят, они и так помогают — что бы она без них и делала с ее секретарской зарплатой!.. Но мама — это же совсем другое! У каждого ребенка обязательно должна быть мама, и желательно — здоровая. А вот без папы мы уж как-нибудь проживем.

Она снова вздохнула и аккуратно положила газету на столик. Соблазн прочитать объявления о знакомствах она преодолела без особого труда. Ей почему-то казалось, что нормальный человек туда писать не будет.

Галя откинулась на мягкую спинку и закрыла глаза. Вновь попыталась восстановить события вчерашнего вечера. Ну да, в магазин она заходила. Забрала Костю из садика и зашла. Купила хлеба, макарон, яблок. Костик свой любимый чупа-чупс выпросил... А вот что купила эту злосчастную газету, не помнит! Как подошла к прилавку,

помнит, а больше ничего. И уж тем более осталось за кадром, как она что-то в этой газете подчеркивала. Нет, с памятью определенно нелады! Хреново. Даже очень.

А сегодняшний-то день она хоть помнит?... Отвела Костика в сад, поехала на работу. Две маршрутки пришлось пропустить, мест не хватило. Едва не опоздала. Ну, саму работу вспоминать смысла нет, там каждый день одно и то же с девяти до пяти.

А вот и нет! Галя внезапно открыла глаза и напряглась, оторвавшись от мягкой спинки. Нет! Сегодня не до пяти!.. Сегодня она у Зои Сергеевны на час раньше отпросилась. Зачем?... Тьфу ты, да как же зачем? Она ж по магазинам решила пробежаться!

По каким еще магазинам?... Галя нахмурилась и сцепила пальцы. Дикость! Какие магазины? До получки еще десять дней, а денег — не кот даже, а мышонокдохлый наплакал!.. Что это взбрело вдруг в ее больную голову?

Она встала и пошла на кухню. Налила холодной заварки, выпила залпом, словно водку. Пить одну заварку, даже без сахара, она привыкла, еще учась на журфаке. Это ее хорошо взбадривало, мозги здорово проясняло. Папа смеялся над ней, «чифирщицей» называл. А вот Романа эта ее привычка бесила. Особенно когда она прямо из

чайного носика заварку дула. Университет пришлось бросить, когда родился Костик, почти сразу после этого их оставил Роман. А вот привычку пить заварку она сохранила. Вот и сейчас мысли стали яснее, вытянулись в струнку, будто солдаты на плацу.

Ну так и что там с магазинами этими? Не помнила Галя что-то никаких магазинов. То есть вроде бы и помнила, но неконкретно как-то, расплывчато и туманно. Куда она заходила, что смотрела? Одежду, обувь? Может быть, книги? Нет, в книжный она, когда денег мало, идти боится. Хоть один томик да купит, а чаще всего на этом не остановится. Нет, в книжный она заходить не могла. И его бы она обязательно запомнила. А вот одежда... Да, вроде припоминаются какие-то шубы, куртки... Но ведь не собиралась она покупать шубу? Тем более, в конце мая. Дикость! Но то, что она где-то два с лишним часа болталась, — это точно. Костю предпоследним из садика забрала. Он на нее чуть-чуть обиделся даже. Сказал, что если бы остался в группе один, стал бы горько плакать и устроил бы в детском саду наводнение. А воспитательница плавать не умеет, поэтому пришлось бы строить из столов плот и спасать ее.

Галя, вспомнив фантазии сына, улыбнулась. Раздражение и тревога сразу куда-то спрятались. Галя знала, что никуда они на самом-то деле не

исчезли — сидят в закоулках подсознания и ждут лишь удобного момента, чтобы снова выпрыгнуть, как чертики из коробочки. Но куда их не видно и не слышно, надо бы воспользоваться случаем и поскорее лечь спать.

2

Не успел Тарас переступить порог квартиры, как из приоткрытой двери маминой комнаты раздалось недовольное ворчание:

— Расик, это ты? Где ты ходишь так долго? Уже восемь часов! Когда ты собираешься проверять тетради? Снова ночью?...

— Мама, угомонись, — улыбнулся Тарас, вешая на плечики плащ — Сегодня тетрадей мало, только восьмые классы. А их у меня всего два, ты же знаешь.

— Твои восьмиклассники — самые трудные. — Худенькая мамина фигурка показалась в дверях. Мама сурово глянула на сына из-под очков, сложила на груди руки. — У них переходный возраст. На уме только баловство, танцы и девочки.

— Ох, если бы, мама! — вздохнул Тарас, снимая туфли. Одну на полку поставил, а вторую повертел в руках. Каблук стоптан, носок сбит, поцарапан. Надо бы новые купить, но к новой

обуви так трудно привыкать. Вторая туфля последовала за первой. — К сожалению, у современных подростков на уме не только это.

— Ты имеешь в виду наркотики? — нахмурилась мама.

— Ну, до этого — тьфу-тьфу-тьфу! — у моих восьмиклашек еще не дошло. — Тарас подошел к маме и чмокнул ее в щеку. — А вот пивком с сигаретами кое-кто уже балуется.

— Между прочим, ты этим тоже грешишь.

— Ну, мне все-таки тридцать, а не четырнадцать.

— Это почти одно и то же, поверь мне. Вот когда тебе стукнет шестьдесят, ты это поймешь.

— Мама, откуда тебе это знать? — улыбнулся Тарас. — Тебе еще только пятьдесят шесть.

— Напоминать даме о возрасте — неприлично! — фыркнула мама.

— Укорять взрослого сына за приход домой в восемь вечера — тоже не очень-то красиво, — подмигнул Тарас и поправил очки. — А вдруг у меня свидание?

— Не смеши меня, — махнула рукой мама. — Мне этого не дожидаться. В лучшем случае тебя женит на себе какая-нибудь престарелая училка с тремя детьми. А я собственных внуков хочу понянчить, Расик! Ты слышишь меня? Собственных!

— Мама, не заводись, — поморщился Тарас. — Ну сколько можно об одном и том же? Покорми меня лучше. Пожалуйста.

— Чего ж тебя на свидании твоём не покормили? — обиженно буркнула мама. — Как шляться допоздна невесть где — так он взрослый, а как есть захотел — «мама, покорми!». — Но все же пошла на кухню и загремела посудой. Крикнула: — Кстати, ты пропустил прием своего «гоголя-моголя»! Ты просил напоминать тебе в семь часов.

— Ничего, мама, это не критично, — откликнулся Тарас. — Выпью сейчас.

«Гоголем-моголем» мама называла протеиновый коктейль, который четырежды в день пил Тарас. Он пытался заниматься чем-то вроде бодибилдинга. Правда, дома, без необходимого оборудования, лишь с двумя парами гантелей, пытаясь приспособить их к тем упражнениям, что удалось найти в Интернете. Занимался Тарас уже четыре месяца, но результата что-то пока не просматривалось: как был он худым и нескладным очкариком, таким и остался. Но недавно он вычитал, что для роста мышечной массы одних упражнений мало. Во-первых, надо питаться правильно, употреблять побольше белка. Но с одной лишь пищей нужного количества белка все равно не получить — надо принимать специальные

белковые смеси. И вот пару недель назад Тарас купил трехкилограммовую коробку с протеиновым порошком и теперь разводил в большой кружке дневную норму — в строгом соответствии нужного количества граммов на единицу веса — и пил четыре раза в сутки. Рекомендовалось от трех до пяти, и он решил, что четыре будет в самый раз.

— И все-таки где ты шлялся? — вспомнила мама, когда Тарас уже сидел за столом и уминал котлеты. Увидев, как сын чуть не подавился, она поспешила уточнить: — Ты можешь, конечно, не говорить, хотя я сильно удивлюсь, что у тебя могут быть от меня секреты... В конце концов, Расик, мне просто интересно!..

Тарас откашлялся, посмотрел на поджавшую губы маму и, протянув через стол руку, погладил ее ладонь.

— Мама, перестань! Какие у меня секреты? Тем более — от тебя.

— Вот именно, — встрепенулась мама, и глаза ее засветились откровенным любопытством. — Так где же ты был?

— Где я был?... — переспросил Тарас и, внезапно замолчав, нахмурил лоб.

— Да-да, именно, где ты был? — фыркнула мама. — И что за дурацкая привычка переспрашивать? Ведь ты прекрасно слышал мой

вопрос и в первый раз!

Но Тарас ответил не сразу. Не переставая хмуриться, он покачал головой, словно удивляясь собственным мыслям, и неуверенно произнес:

— Я не знаю, где я был...

— То есть как это? — вперила в него суровый взгляд мама.

— Вот... так... — развел руками Тарас. — Не помню — и все... Хотя, нет, погоди... Я гулял. Ну да, я просто гулял.

— Четыре часа?!

— Почему?... — растерялся Тарас. — Ах, да... То есть нет. Нет-нет, не четыре! На педсовете до пяти просидел.

— Ну хорошо, три часа. Ты хочешь сказать, что просто так гулял три часа?

— Получается, да, — пожал плечами Тарас. — Раз я пришел в восемь. Хоть я и не учитель математики, но...

— Не надо острить, — поднялась из-за стола мама, — у тебя это плохо получается. И в следующий раз придумай что-нибудь более правдоподобнее. Но запомни: никаких чужих детей! — Окинув сына взглядом, полным укора, она вышла из кухни.

Тарас же, казалось, этого не заметил. Вращая в пальцах вилку с нанизанным на нее куском котлеты, он опять свел брови и глубоко задумался.

Что-то тут не так. Ответив маме, что просто гулял, он не обманул ее. Ведь и на самом деле он... ну да, просто бродил по городу... Но почему, зачем, где он конкретно ходил — этого Тарас не мог вспомнить, как ни пытался. А может, он ездил к дяде Саше Хрумову за город? Да нет же, в пять и даже в шесть еще слишком светло, чтобы смотреть на звезды. Но где же тогда он был?... Нет, не вспомнить. Словно наваждение нашло. Ладно бы еще и впрямь влюбился — тогда понятна рассеянность, — так ведь нет! Ничего подобного с ним не происходило. Да и вряд ли уже, наверное, произойдет. Тогда что? Может быть, что-то со здоровьем? Переутомился? Нехватка витаминов?... Весной это обычное дело... Хотя разве от нехватки витаминов нарушается память, теряется способность контролировать себя? Кто его знает, может, и да. Хорошо хоть каникулы скоро, можно будет отдохнуть. О поездке к морю с его зарплатой нечего и мечтать, но хотя бы в деревню выбраться!.. Правда, мама отцовскую родню не жалует и после развода ни разу в деревне не была, но это, если честно, даже к лучшему. От мамы ему тоже хотелось отдохнуть. Да и ей от него, наверное, тоже.

Переключившись на мысли о летнем отдыхе, Тарас немного успокоился. Ему показалось, вот-вот — и память вернется к нему. Дожевывая остывшую

котлету, он налил большую кружку чая, разломил в ладони сушку и поднес было ко рту, но тут его голову пронзило такой острой болью, что пальцы непроизвольно разжались, метнувшись к вискам, и кусочки сушки разлетелись по полу.

Видимо, он вскрикнул, потому что в кухню тотчас ворвалась мама.

— Что? Расик, что?! — заметалась она возле Тараса. — Что с тобой? Почему ты держишься за голову?

— Потому что она болит... — сквозь зубы процедил Тарас, аккуратно присаживаясь на табуретку.

— Что, так сильно? — всплеснула мама руками, увидев, как очередная гримаса исказила лицо сына.

Тарас не нашел в себе сил ответить и лишь едва заметно кивнул. Мама перестала бесцельно метаться и бросилась к шкафчику с аптечкой.

— Что?... Что тебе лучше дать? — запричитала она, перебирая лекарства. — Цитрамон? Аскофен? Нет, лучше все-таки анальгин — он сильнее... На, держи.

Тарас не глядя протянул руку, которая дрожала так, что он чуть не выронил таблетку. Мама подала стакан. Стуча о стекло зубами, расплескав часть воды на рубашку и на пол, Тарас запил лекарство и обессиленно ткнулся лбом в

локоть, лежавший на столе.

— Иди в комнату, ляг на диван, — погладила голову сына мама. — А я пока «скорую» вызову.

— Погоди, не надо... — промычал Тарас. — Сейчас...

— Тут нечего годить! — первый испуг у мамы прошел, и она вновь попыталась взять бразды правления в руки. — «Скорую» нужно вызвать немедленно! У тебя может быть инсульт! Подумай только: стать инвалидом в тридцать лет!..

— Мама, угомонись, — с трудом приподнял голову Тарас. — Какой инсульт? Мне уже лучше. — Чтобы подтвердить эти слова, он, держась за стол, поднялся и побрел в комнату, к дивану. Рухнув на него, облегченно выдохнул и сказал: — Я просто сильно устал. Сейчас полежу, и все пройдет. Не вздумай вызывать «скорую»!

— Смотри, — поджала губы мама. — Тебе жить. — И добавила более дружелюбно: — Давай я тебе хоть давление померяю!

Против этого Тарас возражать не стал. Сердить маму по пустякам — себе дороже. А та уже прилаживала манжету на липучке к руке сына.

— Странно, — сказала мама, глядя на показания прибора. — Сто двадцать пять на восемьдесят... — Голос ее будто выражал сожаление. Впрочем, она тут же прокомментировала: — И все же верхнее давление

мне не очень нравится. На твоём месте я бы все-таки показала врачу. Не хочешь, чтобы я вызывала «скорую», — зайди завтра после работы в поликлинику.

— Хорошо, — сказал Тарас и почувствовал вдруг, что голова прошла. Внезапно, разом. Будто там, внутри кто-то щёлкнул выключателем, обесточив боль. И, словно только этого и дожидаясь, зазвонил телефон. Мама метнулась к нему, схватила трубку, послушала и раздражённо ответила:

— Валера, он приболел, позвони позже...

Но Тарас уже вскочил с дивана и потянул трубку из маминых рук:

— Мама, отдай, я в порядке!..

Валерку единственного Тарас мог назвать другом. Возможно, это было и не совсем так, но Тарасу очень этого хотелось. Он тяжело сходил с людьми, считал себя из-за этого ущербным, переживал, но изменить ничего не мог. И вот пришедший в школу в начале учебного года новый физик, Валерка Самсонов, неожиданно сблизился с ним, и Тарас очень дорожил этими отношениями.

— Валер, Валер!.. — закричал он в трубку. — Погоди, это я!..

Валера, к счастью, ещё не отключился.

— Ага, — сказал он. — Вечер добрый. Когда ты заболеть-то успел? Вроде днем нормальный

был...

— Да все в порядке, это мама паникует... — Тарас замахал свободной рукой на маму, которая продолжала стоять рядом, внимательно прислушиваясь к разговору. Та фыркнула и вышла из комнаты, хотя — Тарас не сомневался — осталась возле двери.

— Ну, неспроста же, наверное, — усмехнулся Валера. — Повод-то был?

— Голова разболелась, — признался Тарас, — но уже прошла.

— Беречь себя надо. Гулять больше. Пиво с друзьями чаще пить. Как, кстати, насчет этой субботы? Можно бы было выехать на природу. Или у меня...

— Лучше у тебя! — поспешил ответить Тарас. Не любил он пикников на природе, неуютно себя чувствовал без удобств. И потом, вдвоем они все равно не поедут, Валерка еще кого-нибудь пригласит... И, скорее всего, девушек. И в очередной раз попытается Тараса сосватать. А подобное «сватовство» для Тараса — нож по сердцу! Это, считай, день пропал. Только настроение себе портить. Конечно, Валера и домой мог пригласить девушек, но это совсем другое. Не понравится Тарасу — он просто возьмет и уйдет. А из леса пешком не убежишь.

— Ну смотри, — легко согласился Валера. —

У меня так у меня. А теперь расскажи, как сходил-то?

— Куда сходил? — переспросил Тарас, продолжая думать о предстоящей вечеринке.

— Как куда? К знахарю этому, экстрасенсу. Ну, адрес я тебе сегодня дал... Ты что, не ходил? А ведь обещал!..

— Валера, ты о чем? — удивился Тарас. — Ты что-то пугаешь... Тоже, видать, переутомился. Нет, нам точно надо пива попить, расслабиться...

— Ты мне зубы не заговаривай, — неожиданно обиделся Валера. — Я тебе как другу помощь предложил, через надежных людей нашел не шарлатана, а настоящего специалиста!.. А ты!.. И ведь, главное, пообещал... Не ожидал я от тебя такого.

Валера, не прощаясь, отключился. Тарас покрутил в руках трубку, разглядывая ее, словно непонятную диковину, положил на место, и тотчас голова его взорвалась новым приступом боли.

3

Сон не принес Гале желанного облегчения. Напротив, она проснулась опустошенной, разбитой и подавленной. словно ее тревоги и страхи, пока бездействовало сознание, резвились вовсю и, подпитываясь энергетикой близкой им по духу

ночи, росли, росли и росли. И набухли к утру упругими, скользкими хвостами, облепили холодными щупальцами грудь, затрудняя дыхание; опутали вязкой паутиной сердце, мешая тому гнать теплую кровь по артериям и венам. Последнее ощущение было тем более сильным, что Галя чувствовала, как замерзли руки и ноги. Коснувшись правой ступней левой голени, она зашипела сквозь зубы — компресс изо льда привел бы к такому же результату.

Поскорее выпрыгнув из постели, Галя шмыгнула в ванную. Плотно закрыв дверь — пусть Костик поспит хоть пять лишних минуточек, — она выкрутила кран с горячей водой до упора, еле дождалась, пока вода нагреется, и сунула дрожащие ладони в блаженное тепло. Вода становилась все горячей и горячей, а томная сладость растекалась при этом все выше и выше по рукам, будто и впрямь таял лед, сковавший ночью кровь в жилах.

Гале очень хотелось набрать полную ванну горячей воды и залезть в нее, окунуться с головой, чтобы растопить ночной лед полностью, сбросить с себя мерзкие наросты подавленности и необъяснимого страха, но это желание удалось погасить, прикрутив заодно кран с красной нашлапкой и добавив немного холодной воды, а то руки уже впору было обсасывать вместо раковых шеек.

Наскоро умывшись, Галя включила на кухне чайник и пошла будить Костю.

По дороге в садик Костик был непривычно серьезным, словно мамино настроение передалось и ему. Лишь после того как Галя, переодев его возле шкафчика с нарисованным на дверце солнышком, чмокнула сынишку в завиток на макушке, он поднял на нее глаза, растворив на мгновение в небесной синеве все тревоги и страхи, и спросил:

— Ведь скоро же лето, да, мам?

— Да, скоро, — кивнула Галя, — совсем скоро.

— Мы поедем летом туда, где речка и лес?

Гале показалось, что солнышко на дверце шкафчика подпрыгнуло к зениту и вцепилось горячими лучами ей в голову. Стало невыносимо больно. Наверное, она застонала, потому что Костя сжал ее пальцы теплыми ладошками и дрогнувшим голосочком прошептал:

— Мамочка, тебе опять больно, да?...

— Ничего, котенок, — выдавила Галя, стараясь не закричать во весь голос, — уже лучше.

И стало правда лучше. Солнышко вновь закатилось на положенное место, а вместе с ним закатилась и боль. Но не исчезла совсем, затаилась, спряталась. Галя боялась подумать о чем-либо, чтобы шевелением нечаянной мысли не

потревожить боль, не дать ей снова выпрыгнуть, вцепиться шипастыми лапами в мозг... Но ведь мозг не чувствует боли! Почему же он так болит?

Гале действительно казалось, что боль раздирала именно мозг и зарождалась тоже в его глубинах. Ведь это мысли — да, именно мысли — нажимали ту самую кнопку, что отпускала пружину с закрепленным на той чертиком по имени боль. И на сей раз Галя поняла, какие именно мысли. Вопрос Кости о лете, о речке и лесе заставил ее на мгновение вспомнить о сегодняшнем сне. Туманном и зыбком, уже полустертом из памяти. Остались обрывки, но в этих неясных, нерезких картинках можно было разглядеть домик на берегу речки, за которой начинался лес.

Невольно вызвав из памяти этот домик снова, Галя зажмурилась, ожидая нового взрыва боли. Но голова лишь тупо ныла, что по сравнению с недавним приступом казалось просто блаженством. Зато Галя вдруг отчетливо поняла, что знает, где находится этот домик, хоть и не смогла вспомнить, когда она его видела наяву. Да и какая разница — когда? Главное, что этот дом, точнее — дача, как нельзя лучше подходила для ее с Костиком летнего отдыха. И Галя, направляясь уже к автобусной остановке, чтобы отправиться на работу, чуть было не свернула к вокзалу, чтобы сесть в электричку и поехать туда, где ждал ее домик из сна.

Она остановилась и раздраженно топнула. Знала, что надо спешить, но почему-то работа казалась ей сейчас вовсе не важной, даже ненужной, чуть ли не помехой по-настоящему значимому делу. Домик из серых шлакоблоков с шиферной крышей — вот что было единственно нужным, важным и правильным. Она должна, она просто обязана увидеть его сегодня, зайти внутрь. Впрочем, Галя знала и то, что может не торопиться. Не обязательно отправляться на заветную дачу прямо сейчас. А вот вечером, после работы — да, да, да! Бежать, мчаться, лететь!..

На работе она была непривычно рассеянной. Невпопад отвечала посетителям, дважды перевела звонок не тем, кому требовалось. Наконец, вместо затребованного кофе принесла начальнице чай.

— Галчонок, что с тобой сегодня? — Зоя Сергеевна приподняла и снова поставила на блюдечко чашку. — Заболела? Или... влюбилась? — Шутить начальница не умела, сама знала об этом, поэтому тут же, не дав Гале ответить, сказала: — На тебе лица нет, иди, может, домой? Сегодня ничего важного не будет.

— Но ведь еще рано! — почти выкрикнула Галя.

— Ну и что? Я тебя отпускаю.

— Да нет же... — Галя хотела сказать, что

еще рано ехать на дачу, она ведь знает, что время еще не пришло, но вовремя спохватилась, поняла, что говорит совсем не то, что нужно. Разозлившись на себя за очередной «срыв с катушек», она почти с мазохистским наслаждением продолжила: — Я доработаю, Зоя Сергеевна, спасибо. Со мной все в порядке. Так, голова немножко... Пройдет.

Галя подхватила чашку с «неправильным» чаем и поспешила в приемную, где включила кофеварку и через пять минут подала начальнице то, что требовалось.

— Извините, Зоя Сергеевна, — сказала она, продолжая злиться на себя.

— Ничего-ничего, — рассеянно ответила начальница, уставившись в монитор. И вновь попыталась пошутить: — Весна же, я понимаю.

«Весна, весна, весна... — продолжало крутиться в голове, когда Галя вернулась в приемную и откинулась в кресле, прижав к вискам холодные ладони. — Весной наступают обострения у психов. Может, я и впрямь сошла с ума?»

Развить тему помешал телефонный звонок. Галя привычно посмотрела на маленький дисплейчик. Номер не определился. Такое случалось, если звонили с номеров, подключенных к старым АТС.

— Слушаю, — нейтрально-приветливо ответила Галя, отчеканив название конторы.

— Пыльева Галина? — Глухой бас с другого конца провода волной прокатился по Галиному телу сверху вниз, оттолкнулся от пола и вернулся к голове, пнув притаившуюся боль. Та не замедлила огрызнуться легким укусом.

— Да... — попыталась ответить Галя. Судорожно сглотнув, повторила: — Д-да. — И сама удивилась, услышав свой голос, затравленный, съезжившийся, блеющий и неприятно заискивающий. Недавняя злость выпрыгнула изнутри и будто вырвала трубку из рук: — Да, я вас слушаю. С кем я говорю?

— Что ты делаешь сегодня вечером? — пробасили из трубки, проигнорировав Галин вопрос.

— Еду на... — непроизвольно начала Галя, но злость вновь перехватила инициативу: — Кто вы такой? Что вам надо?!

Голос, безликий, низкий, глухой, вновь прокатился вибрирующей волной до самых пяток:

— Ты никому не сказала?

— Что? Что я не сказала?! — прокричала Галя, но в трубке уже пищали гудки. А в голове еще слышалось затихающим эхом: «Ты никому не сказала?» И явственно вдруг почему-то вспомнилось вчерашнее отражение в зеркале.

Чтобы немного успокоиться, остановить нарастающую панику, Галя схватила со стола

портрет улыбающегося Костика, прижала к груди, затем поднесла к губам и стала целовать, целовать, целовать... Она то ли просила у сына защиты, то ли, напротив, клялась защитить его от всех напастей и невзгод. То, что они где-то рядом, она уже чувствовала.

Галя мчалась на вокзал, забыв обо всем на свете. Даже о Костике вспомнила, лишь отойдя от кассы с билетом в руке. «Дикость, дикость! Я точно сошла с ума», — мысленно простонала Галя и схватила мобильник:

— Мама! Забери, пожалуйста, Костю из садика. Пусть он у вас побудет до вечера. Мне надо, очень-очень надо!.. Правда. Ну, мама, я потом расскажу. Приду вечером и все расскажу... Наверное, поздно. Мамуля, потом, хорошо? Я опаздываю. Целую. Пока!

Она и правда опаздывала. Электричка отправлялась через три минуты, а надо еще найти нужную платформу. На пригородных поездах Галя не ездила с прошлого лета, а там, куда собиралась сейчас, не была и вовсе ни разу. Стоп!.. Как не была? Откуда же она знает про эту дачу, почему ее так отчетливо помнит? Серые шлакоблоки, крыша, покрытая шифером, густой малинник вдоль дощатого забора... И билет! Она же купила сейчас билет. Не задумываясь, сказала кассирше название

станции. Но... какое?!

Галя посмотрела на билет. Но там значился лишь номер зоны. «Куда же я еду?!» — запаниковала Галя, а ноги уже вынесли ее на платформу и побежали будто бы сами, без ведома недоумевающей хозяйки, к зеленой гусенице электрички, предупреждающей невнятным бормотанием о том, что «двери закрываются».

Но едва Галя опустилась на жесткую скамью вагона, как мгновенно улетучились и недоумение, и паника. Осталось искреннее убеждение: она все делает правильно. Она поступает именно так, как надо. Просто «надо», безо всяких «зачем» и «почему». Надо. Необходимо! И точка.

Дальше все было точно во сне. Галя осознавала себя, но действовала словно лунатик. Впрочем, как и во сне, все казалось логичным и правильным. И то, что услышав название незнакомой станции, она поднялась со скамьи и направилась к выходу, и то, что шла по неширокой тропинке меж освещенных вечерними солнечными лучами, почти красных стволов сосен, и то, что, выйдя наконец у небольшого дачного поселка, уверенно направилась к извилистой речке, на берегу которой стоял тот самый домик из серых шлакоблоков.

Лишь возле калитки она остановилась и впервые с момента, как вышла из поезда, вполне

осознанно спохватилась: «А ключи? Как же я зайду в дом?» В том, что туда надо обязательно зайти, Галя не сомневалась. И в том, что ей никто не откроет, если она постучится, тоже. Будто знала об этом. Или действительно знала?

Калитка оказалась открытой. И Галя вновь восприняла это как нечто само собой разумеющееся, как и положено по законам сновидений. Прошла по дорожке, мощенной плитками, к дому, потянула ручку незапертой двери.

Внутри все было так, как и в большинстве подобных строений, где живут лишь наездами. Да и «живут» — громко сказано. Так, выбирают на выходные покопаться на огороде, поесть шашлыков, сходить в лес, на рыбалку. Впрочем, иногда и живут тоже: пару-тройку недель летнего отпуска, если не хочется или не на что ехать в более жаркие края. Короче говоря, типичный дачный домик — не сарай, но и не хоромы. В тесной прихожей на дешевых крючках вдоль стены — неказистая одежда, под ней — две пары резиновых сапог, кроссовки со смятыми задниками; посаженные друг на друга доньшками вверх ведра в дальнем углу, там же, за ними, черенки лопат и чего еще там — мотыг, грабель? Три двери: две узкие, из покрытого прозрачным лаком дерева —

туалет, подсобка? — и более солидная, обитая черным кожзаменителем, ведущая, скорее всего, в жилое помещение. Еще неширокая лестница наверх — к белой двери на чердак. Почему-то Галя выбрала именно ее — и зашагала по скрипучим дощатым ступеням.

Белая крашеная дверь неожиданно оказалась запертой. Но Галя, словно делала это не раз прежде, просунула пальцы в щель между стеной и дверной коробкой и вытянула за веревочку ключ. Легко повернула его в замке и толкнула белую дверь. За ней был мрак.

4

Если бы Тараса спросили, любит ли он свою работу, то он бы сказал... А что бы он сказал? Если бы вопрос задавался проформы ради, так, почти риторически, то он бы, конечно, ответил утвердительно. И, собственно, не сильно покривил бы душой. А вот если пришлось бы отвечать совсем искренне и если спрашивали бы действительно с интересом, да еще тот, перед кем можно выговориться начистоту...

Пожалуй, он бы все равно сказал, что любит эту работу. Какой бы тяжелой и неблагодарной она ни была. Но об этом уже и говорить неинтересно, подобные банальности всем давно оскомину

набили. А вот тем не менее!.. Хоть и пошел Тарас в педагогический не по велению «души и сердца», а потому что этот вуз и находился ближе всего, и поступить в него проще. Не любил Тарас по молодости лишних трудностей, они его пугали. Да и сейчас, зачем перед собой-то лукавить, пугают. Но как раз с институтом все сложилось как нельзя лучше. Если перефразировать поговорку, «корм» оказался «в коня». Тарасу выбранная наобум профессия понравилась. И нравилась до сих пор. А вот насчет какой-то особенной к ней любви — тут сложнее.

Он бы, наверное, на самом деле любил учительствовать, если бы приходилось работать с пяти-шестиклашками. Озорные, наивные, любознательные, в свои одиннадцать-двенадцать лет дети оставались по сути детьми, но с ними можно было уже общаться почти по-взрослому. И они сами тянулись к такому общению — раскрыв рты, слушали учителя, живо включались в дискуссию, задавали вопросы, впитывали новое, как воду губка.

С десяти- и одиннадцатиклассниками Тарас тоже общался с удовольствием. Эти мелковозрастные «дяденьки» и «тетеньки» тянулись к знаниям хотя бы из-за приближавшегося ЕГЭ. Правда, с теми, кого это не волновало, работать становилось попросту бесполезно —

побившись пару лет лбом о стену, Тарас понял это и благоразумно отступился, заключив с подобным контингентом неофициальный и даже негласный — почти на уровне подсознания — договор: я не трогаю вас, вы не мешаете мне работать с остальными.

А вот с теми, кто учился с седьмого по девятый класс!.. С ними сложнее всего. Переходный возраст ломал подростков, словно ураган ветки. Вчерашние любознательные мордашки превращались в ехидно-злобные лисьи мордочки, щерились осками волчат; недавние мальчики и девочки становились то равнодушными ко всему медвежатами-ленивцами, то расфуфыренными павианами. Почти каждый хотел показать, что он уже не ребенок, что он самый крутой, а хорошая учеба и примерное поведение показателями «крутизны» не являлись. Тарасу и впрямь порой казалось, что ученики из этой возрастной категории больше похожи на зверят — коварных, озлобленных, хитрых, а поскольку дрессуру в пединституте не преподавали, он был к подобной работе не готов. Но мнения Тараса никто не спрашивал, да он и сам прекрасно понимал, что выбирать учеников не приходится, поэтому убедил себя считать выпадающие на «нелюбимые» классы часы издержками профессии. К тому же он справедливо отмечал, что и тут, на некомфортном в

целом фоне, встречались ребята, которых учить вполне даже можно, порою и с удовольствием. В любом случае, это его работа, и относиться к ней следовало независимо от того, в каком классе доводилось вести урок. С таким же настроением он вошел в класс и на сей раз.

— Ну, друзья мои, — обратился Тарас к девятому «А», — кто же мне расскажет про деловую речь?

Класс зашевелился, заерзал, нестройно и недовольно загудел, словно учитель влез указкой в улей и пошевелил его там.

— Ну-ну, — улыбнулся Тарас. — Разве это сложная тема? Смелее, смелее!.. Вот ты, Мальцев, назови, какие деловые документы ты знаешь?

Гарик Мальцев, худощавый веснушчатый парень, нехотя вылез из-за парты и печально посмотрел на учителя.

— Этот... как его?... — забубнил он, косясь на Мишу Позднякова, соседа по парте, в ожидании подсказки. Но Миша отвернулся к окну, делая вид, что любит весенней травкой и проклюнувшимися листочками на деревьях. А может быть, и впрямь любовался. Весна ведь и для девятиклассников — весна.

— Давай, Георгий, не тяни, — поторопил Тарас парня.

— Так это... — вскинул лохматую голову Гарик. — Приговор.

Класс неуверенно захихикал. Слово-то серьезное, звучало солидно. Хотя и не упоминалось про него вроде бы в учебнике.

Тарас выставил ладонь, призывая учеников к тишине. По его лицу было непонятно, верно ли ответил Гарик. А тот, похоже, выдохся и начал бросать просящие взгляды на одноклассников. Но слишком уж тихо стало вдруг в классе — любой шепот учитель сразу бы услышал. Ребята понимали это и молчали, кто виновато, а кто и злорадно поглядывая на товарища.

Тарас подождал еще немного и спросил:

— И все, Мальцев? Это все деловые документы, что ты знаешь?

— Практически да, — сказал Гарик и захлопал длинными ресницами.

— Ну, тогда это тебе приговор, извини уж, — вздохнул Тарас и нацелился ручкой в журнал.

— «Два», что ли?... — буркнул Георгий.

— Практически да, — не удержался от подколки Тарас. И обвел взглядом класс: — Так кто все-таки назовет мне деловые документы?

Нерешительно потянула ладошку симпатичная рыжеволосая девчушка, Аня Бурыкина.

— Слушаю тебя, Аня, — ободряюще кивнул

Тарас. Девушка поднялась.

— Заявление, расписка, доверенность, договор...

Продолжить ученице не дали — приоткрылась дверь, и раздался громкий шепот:

— Тарас Артемович, вас к телефону!..

Тарас досадливо поморщился: это, конечно же, мама, больше некому. Он ведь просил ее не звонить во время занятий! Да и вообще — что за срочные дела могут у нее вдруг появиться? Хотя... Тарас невольно поежился, вспомнив, что мама, хоть еще и не старуха, все же немолода. Мало ли что могло случиться?

— Посидите пять минут спокойно, — обратился Тарас к классу. — Вернусь, вызову двух человек к доске писать заявление и доверенность. Очень советую использовать эти пять минут на повторение.

Звонила, конечно же, мама. Не дав сыну высказать справедливое возмущение, она торопливо заговорила:

— Расик, ты не забудешь зайти в поликлинику?

— Мама!.. — попытался все же возмутиться Тарас, но встретил решительный отпор:

— Что «мама»?! Ты забыл, что с тобой вчера было? Как ты себя, кстати, чувствуешь?

— Я хорошо себя чувствую, — ответил Тарас и, воспользовавшись предоставленной возможностью, добавил: — И у меня сейчас урок, между прочим, а ты меня отрываешь.

— Ничего с твоим уроком за минуту не случится. А вот с тобой случиться может. Заработаешь инсульт, станешь инвалидом, вот тогда уже точно никаких уроков не будет. Кроме одного, данного жизнью. Но ты... ты уже ничего не сможешь исправить!.. — Из трубки послышалось шмыганье и всхлипывание. Тарас закатил глаза к потолку и промычал:

— М-мама!.. Ну, перестань, я тебя умоляю.

— Хорошо. — Из маминого голоса мгновенно пропали слезы. — Обещаешь, что зайдешь в поликлинику?

— Зайду, зайду, — буркнул Тарас. Никуда он заходить, разумеется, не собирался, но иначе ведь спорить придется до перемены.

— А потом — сразу домой! Нечего больному по улице шататься.

— Мама!.. — скрипнул зубами Тарас и торопливо огляделся. За столом у окна проверяла тетради «англичанка» Болдырева. Похоже, она не прислушивалась к разговору, хоть мамин голос, как представлялось Тарасу, разносился из трубки по всей учительской. Впрочем, Наташа Болдырева молодец — даже если и слышит, виду не подаст и

шептатьса потом с училками не будет о Тарасовой «подкаблучности». И все-таки было стыдно. Тарас крякнул и, придав голосу строгости, сказал: — Я приду, как только освобожусь. И не звони больше — у меня сегодня две контрольные.

Вернувшись в класс, он застал там, конечно же, шум и раздрай. И без того рассерженный разговором с мамой, Тарас окончательно вышел из себя. Он рывкнул, что делал исключительно редко, отчего класс изумленно притих, а потом, дважды ткнув наугад в журнал, злорадно отчеканил:

— Кожухов, Филиппова, — к доске!

Красавица Алиса Филиппова, высокомерно усмехнувшись и гордо вскинув голову, прошествовала вперед с таким видом, словно это она собиралась сейчас экзаменовать учителя. А вот щупленький, застенчивый Андрей Кожухов изрядно разволновался. Вышел к доске и виновато опустил голову. Тарас внутренне пожалел парня, но все же менять решения не стал. Единственное, что он сделал, — позволил некоторую вольность.

— Кожухов, — сказал он. — Что ты хочешь написать: заявление или доверенность? Разрешаю писать что и о чем угодно, хоть заявление с просьбой принять в папы римские! Лишь бы правильно было по форме.

— Я... я заявление буду писать, можно? —

поднял обрадованные глаза Кожухов.

— Можно, конечно, — ободрил Тарас парня улыбкой. — Куда и о чем, если не секрет?

— В университет... — замялся Андрей. — На... на журфак.

Класс притих, не понимая, смешно то, что сказал тихоня Кожухов, или не очень. На всякий случай хихикнул балагур Дениска, но тут же получил учебником по макушке от Тани Бут.

А у самого Тараса буквально глаза на лоб от услышанного полезли. Чтобы неприметный троечник Кожухов — и... в журналисты?... Вот уж неожиданность так неожиданность. Плохо работаете, Тарас Артемович, ой, плохо, если такое проглядеть умудрились!.. И ведь на шутку слова Андрея непохожи. Не тот это парень, чтобы так шутить.

— Ну что ж, — стараясь придать голосу непринужденности, выдавил Тарас. — Прошу. А тебе, Алиса, соответственно, достается доверенность. Ты не возражаешь?

Алиса Филиппова презрительно фыркнула, повернулась к доске и взяла в руку мел.

— О чем будешь писать? — спросил у девушки Тарас.

— О том, что завгороно доверяет мне свой дачный участок под Сочи, — с вызовом ответила Алиса.

— Дачный... участок?... — севшим голосом переспросил Тарас, чувствуя, как вчерашняя боль, словно прорвав плотину, мощным потоком хлынула в черепную коробку.

После уроков Тарас стоял на школьном крыльце и жадно курил. Вообще-то это не рекомендовалось делать на глазах учеников, но ему сейчас было не до рекомендаций. Тарас переживал позорный срыв урока в девятом «А». До сих пор краска заливала лицо, стоило лишь вспомнить, как забегали вокруг него девчонки, когда он рухнул головой на стол и заскулил, сжимая виски... И чего он никак не ожидал от выпендренных девятиклассников, так это искреннего, живого участия к его беде. Кто-то сразу помчался в медпункт за фельдшером, кто-то сбегал, намочил носовой платок и положил ему на лоб. А высокомерная красавица Алиса Филиппова рыкнула на класс, чтобы сидели тихо, и, приговаривая что-то умиленно-ласковое, словно ребенку, сняла с него пиджак и расстегнула ворот рубахи, чтобы легче было дышать...

Может, конечно, не все ему по-настоящему сочувствовали. Даже наверняка не все. Кто-то небось втихаря над ним потешался, кто-то злорадствовал. Если бы не Алиса, которую одноклассники не только уважали, но и

побаивались, то наверняка посмеялись бы и вслух. Но все-таки, Тарас теперь не сомневался, таких — меньшинство. Да, неожиданно. Впору менять профессию, коль не сумел рассмотреть за кажущимися равнодушными масками настоящих человеческих, добрых и искренних детских лиц.

И все равно было стыдно. Очень стыдно. И в то же время беспокойно. Второй день кряду — одно и то же. Это явно не просто случайность. Что-то с ним и правда не так. Хочется не хочется, а придется выполнить данное маме обещание и зайти в поликлинику. Обидно только, если он всерьез разболеется в конце учебного года, перед самыми ЕГЭ!.. Но, может, все еще и обойдется. Выпишут каких-нибудь таблеток, микстур. Да, нужно надеяться на лучшее и срочно идти к врачу.

Тарас отщелкнул в сторону окурков, тут же пристыдил себя за это, но подбирать его все же не стал, а твердым шагом направился со школьного двора. Но не успел пройти и пары метров, как на его плечо сзади легла тяжелая ладонь.

— А кто это тут сорит? А вот я тебя чичас!.. — голосом школьной дворничихи пропел в ухо Валерка Самсонов.

— Фу ты, напугал! — развернулся Тарас и шутливо пихнул в плечо друга.

— Что там с тобой случилось? — посерьезнел Валера. — Слышал, ты в обморок грохнулся на

уроке?

— Уже разболтали, — фыркнул Тарас. — Да не падал я в обморок! Просто голова заболела сильно.

— Видать, очень сильно, коль Любаша со шприцем по школе носилась. Что-то ты, брат... того. Вчера вон вечером тоже...

— Ладно, хватит, — хотел прервать Тарас неприятную тему, но друг не отставал:

— Да нет, братец, не ладно. Значит, так. Я на машине. Жди меня здесь, сейчас я ее подгоню, и поедем к людям в белых халатах.

— Ты что, с мамой моей сговорился? — недовольно буркнул Тарас, хотя и сам направлялся именно в поликлинику. На что Валерка лишь махнул рукой и побежал на стоянку.

А когда через двадцать минут его красная «семерка» подруливала к городской поликлинике, Тарас незнакомым жестким голосом заявил:

— Нет. Не сюда.

— А куда же? — притормозил Валера и уставился на друга, сидящего с каменным выражением лица и устремленным прямо перед собой взглядом.

— Дачный поселок Ряскино.

Валера присвистнул и захлопал глазами:

— Чего это вдруг? Там что, твой личный доктор обитает?

Но Тарас повторил, не меняя интонации и выражения лица:

— Дачный поселок Ряскино. Срочно.

— Ну, хохмач! — фыркнул Валера и вывернул руль. — Но смотри мне, от врача ты все равно не отвертишься.

5

Галя шагнула в темноту. И не потому, что не боялась ее. Просто знала: так надо. Впрочем, может быть, и боялась. Только страх стал сейчас настолько несущественным, что она не потратила на него драгоценных секунд. Самым важным сейчас было зайти в этот мрак. Ведь в том, что он скрывал, ее ждал... ее ждало... Кто? Что? Да не все ли равно. Ее ждали, и она тоже ждала. Долго, невыносимо долго, до изнеможения, до искусанных губ!.. Бесконечное ожидание, самая страшная на свете пытка, должно сейчас кончиться. Так неужели это не стоило какого-то шага в чернильную тьму?

Галя шагнула. И даже закрыла за собой дверь. Скорее всего, она сделала это машинально. А может, ей хотелось доказать и этой жаждущей испугать ее темноте, и самой себе, что она ничего не боится. Теперь, когда вот-вот должно закончиться ожидание, ее ничего не страшило. Потому что страшнее всего — ждать неизвестно

чего. Ждать, не имея ни малейшего понятия, что именно ты ждешь, когда это случится и будет ли оно вообще когда-нибудь.

Темнота оказалась полной, крошечной. Если здесь, под самой крышей, и были какие-то окна, то их закрывали плотные, без единой щелочки, ставни. Но Галя и без света знала, что ей нужно делать, куда идти. Сначала вперед. Шаг, второй, третий... Скрипнули доски, встревоженно, но тихо, словно испуганным шепотом. Галя остановилась, глубоко вдохнула. Пахло пылью и затхлостью давно не проветриваемого помещения. Но не сильно, не так, как пахнет на заброшенных, неухоженных чердаках. Но она находилась не на чердаке в прямом смысле. Еще одна комната — маленькая спальня и кабинет, где можно уединиться и работать или читать хоть всю ночь, не опасаясь потревожить окружающих. Вот тут, слева, если сделать два шага и вытянуть руку, можно коснуться письменного стола. Старого, но еще крепкого. Галя знала об этом, но шагать и вытягивать руку не стала — письменный стол ей сейчас не нужен. Ее интересовало то, что находилось справа, — тахта, придвинутая вплотную к наклонным доскам потолка, который являлся уже, собственно, крышей. Да-да, ей нужна именно эта тахта! Подойти к ней — шаг, еще шаг, еще, — сесть... Пружины матраса недовольно скрежетнули. Чем же они недовольны?

Она же пришла!.. Ах, да... Ей нужно раздеться. Раздеться и лечь. И ждать его.

Галя расстегнула жакет, сняла, небрежно отбросила в темноту. Потянула вверх блузку, да так и замерла с закрытой тканью лицом. Прикосновение шелковистой материи к коже вызвали воспоминания. Может, это не Галя, а сама кожа, лоб, щеки, губы — может, вспомнили только они, как так же легко, нежно, едва касаясь, по ним скользили теплые, подрагивающие от возбуждения, чуть пахнувшие дорогим табаком пальцы... а потом — губы, такие же теплые, только еще более нежные, мягкие, трепещущие, жадные!..

— Он придет!.. — выдохнула Галя, вскочила, сорвала блузку и отправила ее вслед за жакетом. Туда же полетело и все остальное, что до того еще было на ней. Затем она наклонилась и провела рукой по матрасу. Под ладонью оказалась грубая ткань без белья. Галя знала, что оно есть в шкафу возле дальней стены комнаты. Но заниматься сейчас чем бы то ни было, когда должен прийти он? Нет, это казалось невыносимым.

Она легла на тахту и приготовилась ждать. Теперь уже совсем недолго. Совсем чуть-чуть. А вдруг он уже рядом?

— Роман!.. — позвала она и вздрогнула — имя показалось ей таким же затхлым и пыльным, как воздух, которым она сейчас дышала. «Какой

Роман?! — вспышкой садануло в мозг. — Ведь он же давно ушел, он бросил меня, бросил нас с Костей!..» Но вспышка — и есть вспышка. Она дает свет лишь на короткое мгновение, после которого тьма становится еще гуще, а то, что привиделось в один только миг, — всего лишь фантомы и миражи, вызванные ослепленным сознанием. Галя готова была расхохотаться от нелепого бреда, посетившего ее в это мгновение. Роман ушел? Да разве же это не бред? Не самая фантастическая нелепица, какую только можно придумать? Дикость! Ведь он же так любит ее! Он так обожает их с Костиком! Он так ждал его появления, он прижимался ухом к ее животу, надеясь услышать биение маленького сердечка. А ей становилось щекотно и от этих прикосновений, и от того ощущения безграничного счастья, что теплыми мягкими лучиками трогало ее изнутри. Роман не мог никуда уйти. Не мог уйти к той пучеглазой маленькой стерве, когда Костику исполнилось всего лишь полгода. Он не мог поступить так с ними — самыми дорогими, самыми близкими, самыми... единственными его солнышками. Ведь он так, он именно так их называл до того, как в единственное солнышко превратилась для него та, другая, далекая, чужая... Нет, это они с Костиком стали ему далекими, чужими, ненужными. И не было больше никакого Романа — ни близко, ни рядом, нигде, никогда!..

Гале показалось, что она кричит, но она лишь тяжело, со всхлипом дышала. Провела по вздымающейся груди — ладони стали мокрыми. Что это — сон? Ей приснился дурной сон? Да-да, конечно же сон. Ведь она слышит шаги — его, Романа, шаги. Разве она может спутать их с чьими-то еще?... Но... разве ей нужен Роман? Разве она любит Романа? Разве не затянулось болотной тиной то место в сердце, которое он когда-то занимал?

Галя запуталась, но даже и не пыталась выбраться из паутины, спеленавшей ее сознание. Она успокоилась. И снова знала, что ей нужно делать. Ждать. Совсем недолго. Совсем чуть-чуть. Ведь его шаги уже очень близко. Скрип-скрип-скрип... Это ступеньки лестницы. А это — скрипнула дверь. Неяркий сноп серого света — и снова полная тьма. Но он — уже здесь.

Слышно, как он дышит — прерывисто, часто. Вряд ли это только оттого, что поднимался по лестнице — ведь он не старик. Он силен, молод. И... он такой желанный! Такой, что впору самой задохнуться. Хочется крикнуть, позвать, поскорее обнять, прижаться губами к груди, перенять через них биение рвущегося к ней сердца... Но нет, она будет ждать. Пусть он сам найдет ее в темноте, пусть сам услышит стук ее сердца.

Галя почти перестала дышать, сжала губы,

чтобы со слабыми выдохами не вырвался стон. Желание стало настолько сильным, что кроме него не осталось уже ничего — даже спеленутых паутиной безумия мыслей.

Вот и снова шаги. Скрип половиц. Уже не тревожный — вопросительный: что будет дальше? Найдет, не найдет? Конечно, найдет. Ведь он тоже знает, где нужно искать. Три шага вперед, два вправо, вытянуть руку...

Горячие пальцы коснулись Галиного плеча. Если бы это были не пальцы, а электрошокер, вряд ли бы ее тряхнуло сильнее. Сладкая судорога стала сигналом: все, ожидание кончилось, она дождалась!

Галя схватила протянутую к ней руку и дернула на себя. Услышала сдавленный возглас и вскрикнула сама, придавленная обвалившейся на нее тяжестью. Но это была ее, только ее долгожданная тяжесть. Та самая тяжесть, что несла с собой облегчение. Выплыло вдруг непонятное, нелепое, глупое: «Своя ноша не тянет» и, оставив ярко пульсирующий кусочек «своя», вновь ускользнуло в глубины сознания. «Своя-своя-свой-мой-мой-мо-о-ой!» — забились в мозгу языком громогласного колокола. Вибрация от гудящего звона заполнила каждую клеточку тела, заставила его сладострастно содрогнуться — раз, другой, третий... Дыхание, и без того затрудненное от давящей на грудь тяжести, перехватило совсем.

Галя на ощупь начала срывать с мужчины одежду. Он приподнялся — дышать стало легче — и стал помогать ей. Что-то со звоном упало на пол. Но звон разливался уже и в Галиной голове, а потом захватил вибрацией и все тело. Она сама стала огромным колоколом, в который ударили, начиная отсчет нового времени — того самого, что находится вне любых физических измерений, что не знает разницы между секундой и вечностью, — времени любви.

Желанное тело касалось Галиной кожи, но неуверенно и осторожно, словно боясь обжечь ее. Тогда Галя сама прижалась к нему и стала целовать, как недавно в мечтах, над самым сердцем. Мужчина откликнулся на ласки, его ладони заскользили по Галиной спине, легли на ягодицы. Галя выгнулась, прильнула к горячему телу грудью и животом, переплела его икры своими. А потом обхватила его крепко за спину и растворилась в нем, растворяя его в себе.

Дальше все было так, как она и желала, о чем так мечтала долгие годы, чего так ждала. Она хотела шептать и кричать бесконечным рефреном любимое имя, но почему-то никак не могла его вспомнить. Но это уже не казалось важным. Важно, что любимый сейчас с ней, в ней, повсюду... И вдруг он отпрянул. Шумно вдохнул, задержал в

груди воздух, словно собрался нырнуть в неведомую глубину, и сказал так, будто от скуки ему свело скулы:

— Погоди. Я забыл. Нужно, чтоб все было видно.

А Галя сразу вспомнила имя. Роман. Конечно же, Роман! Как она могла забыть? Только это был голос не Романа.

Босые ноги прошлепали по полу. Свет лампочки показался ядерным взрывом. Галя зажмурилась — пляшущие под веками цветные пятна складывались в выхваченное сознанием лицо. Лицо не Романа. Совсем чужое лицо.

Она открыла глаза. Да, это не Роман. Не ее мускулистый, спортивно-подтянутый «красавец-мачо», как она его шутя называла. Незнакомец был худощав, неспортивен и вообще... неказист. Светло-серые глаза, равнодушно вззирающие на нее из-под русой челки, казались стеклянными. И этот неживой взгляд делал ничем не примечательное, застывшее лицо похожим на маску. Только сейчас это не имело для Гали никакого значения, мозг всего лишь зафиксировал факт.

— Иди сюда. Надо продолжить, — бесцветным голосом сказала она.

— Да, надо продолжить. Иду, — эхом откликнулся незнакомец.

И они продолжили. Очень старательно. Так отточено правильно, что впору снимать учебно-познавательный фильм. Ни одного лишнего движения, никаких глупых нашептываний и ненужных ласк. Все происходило совершенно беззвучно, если не считать размеренного скрипа пружин и учащенного дыхания занимающихся тяжелым физическим трудом людей.

А когда мужчина, прервав полустон-полувсхлип, отстранился и Галя увидела незнакомые, удивленно-беспомощные глаза под прилипшей к потному лбу русой спутанной челкой, она словно очнулась. И закричала, сжимаясь в комок, подтянув к груди колени, судорожно обхватив плечи руками:

— Кто вы?... Кто вы такой?!

6

В ушах у Тараса все еще звенел крик сжавшейся перед ним обнаженной женщины, но смысл его никак не проникал в сознание. В мозгу замелькали картины: он выходит из школы, идет... Куда?... Да в поликлинику же, показаться врачу — что-то неладное стало твориться с головой. Да-да, именно туда его и повез Валерка... Валерка? Он-то тут при чем?... Ну да, он же догнал его и предложил подвезти.

Так что, он сейчас в поликлинике? Тарас опустил взгляд и тут же, охнув, скрестил под животом ладони — он был совершенно голым!.. Значит, он и правда в поликлинике? Но зачем его раздели полностью, если проблемы лишь с головой? И кто это сидит перед ним и с таким ужасом его разглядывает? Врач?... Но почему она тоже голая? Или... это еще одна пациентка? Может, они уже в психушке? Но разве бывают даже там общие палаты? Куча вопросов, смешиваясь и кувыряясь, мелькала в мозгу сумасшедшим калейдоскопом.

Тарас обвел вокруг взглядом. Он где-то потерял очки, потому окружающее казалось акварельными мазками на рыхлой дешевой бумаге. Тарас прищурился, и бумага впитала лишнюю влагу. Рисунок неизвестного сюрреалиста стал более четким. Маленькая, освещенная тусклой лампочкой комнатуха под скошенным дощатым потолком. Даже для психушки чересчур убого. По пыльным некрашеным доскам разбросана одежда — его брюки, рубашка, пиджак. А вот и юбка, блузка и... совсем уж интимные предметы гардероба. Тарас прищурился сильнее. Да, несомненно, нижнее белье. В том числе и его. И впрямь — сюрреализм, да и только!.. А вот и очки. Разбитые...

Тарас подобрал с пола оправу, прихватив

заодно и трусы, и промычал:

— Не м-могли бы вы отвернуться?...

Женщина уткнулась лбом в колени. Тарас быстро натянул трусы, надел брюки и сунул бесполезную оправу в карман. А когда взял рубашку, женщина вскинула голову и снова выкрикнула:

— Да кто вы такой? Что вы тут делаете?

— Я? — сглотнул Тарас. — Я — Тарас... э-э... Артемович. Я тут... э-э-э-э... одеваюсь.

— Не надо паясничать! — подскочила женщина, но тут же снова сжалась в комок. — И нечего на меня пялиться! Что вам от меня надо? Отпустите меня сейчас же!

— Да я вас как бы... и не держу, — пожал плечами Тарас и, оценив ситуацию, поспешил отвернуться. — Вы оденьтесь тоже, я не смотрю. Да и без очков все равно вижу плохо, не бойтесь.

Тарас натянул рубаху и, застегивая пуговицы, услышал, как женщина, обнаружив, видимо, что-то, отчаянно ахнула:

— Вы!.. Да вы... Что вы со мной делали?! Насильник! Маньяк!..

— Да что вы это такое... — с негодованием повернулся Тарас, но женщина, успевшая надеть лишь трусики, отчаянно завизжала, закрыв ладонями грудь. Тарас замахал руками и вновь отвернулся, продолжив скороговоркой: — Что за

глупости, никакой я не маньяк! Я совершенно не понимаю... не помню, не знаю, как я здесь оказался! Я ничего не помню! Понимаете? Ни-че-го!.. — Сказал и вдруг осекся. Он вспомнил. Туманно, зыбко, будто сновидение, но вспомнил. Вспомнил, что он сейчас делал с этой женщиной... А может быть, так разыгралась фантазия? Как бы то ни было, воспоминание-мечта неожиданно выпрыгнуло из подсознания столь отчетливо и ярко, что Тарас почувствовал возбуждение. И тут же заболела голова. Не так сильно, как днем, и даже не так, как прошлым вечером, но достаточно для того, чтобы прийти в себя.

Женщина, видимо, тоже что-то вспомнила, или возмущение Тараса показалось ей искренним; она сменила тон и спросила почти жалобно:

— Но почему мы здесь? И почему мы... делали это?...

— Не знаю, — не поворачиваясь, бросил Тарас. — Не знаю, не знаю, не знаю! — Он почти перешел на крик и обернулся. Женщина уже надела юбку, но блузку еще не успела застегнуть. Однако возмущаться не стала. Устало мотнула растрепанной головой и сказала:

— Ладно. Я вам верю. Я тоже почти ничего не помню. Хотя... — Пальцы ее, продевавшие пуговицу в петлю, застыли. — Здесь был Роман. Мой муж... Бывший муж. Где он? — Она быстро

застегнула оставшиеся пуговицы и замерла, прислушиваясь. — Вы слышите?

Ее пальцы нервно пригладили растрепанные светлые прядки, опустились к уху, чуть оттопырили его.

— Так ведь... — начал Тарас, но женщина шикнула и приложила палец к губам. Тарас пожал плечами и тоже прислушался. Показалось или?... Он нахмурился и прищурил веки, будто это могло улучшить не только зрение, но и слух. И снова услышал, далекое, но отчетливое: скрип... Скрип-скрип-скрип... Или дом сам издавал эти звуки, или... внизу кто-то ходил.

Тарас на цыпочках подошел к женщине, склонился к уху и шепнул:

— Но если это ваш бывший муж, чего вы боитесь? Он что, продолжает ревновать?

— Какая дикость, — зашипела женщина. — А вдруг это не он?

— А кто?

— Не знаю. Хозяин дома, например... Ведь мы здесь без спросу.

— Я в этом совсем не уверен. Как раз хозяин и мог нас сюда затащить...

— Дикость, — повторила женщина. — Зачем?

— Откуда я знаю зачем? Но мы ведь здесь. Может быть, стоит спросить у него?

— Ну, а если он все же не знает про нас?

— В любом случае, скоро узнает.

— Почему? — вздрогнула женщина и подалась к Тарасу, словно хотела прижаться. Но снова вздрогнула и неприязненно отстранилась. Тарас заметил это.

— Я вам так неприятен?

— Неважно... — после недолгой заминки отозвалась женщина. — Вы не ответили, почему он узнает о нас?

— У нас горит свет. Он увидит его через щели. И услышит наши шаги.

— Тогда надо выключить свет и затаиться. Пока он не уйдет или не уснет. Уже ведь, наверное, ночь?

Тарас посмотрел на часы.

— Половина одиннадцатого. Мне кажется, нам лучше все-таки выйти. По-моему, мы где-то за городом. Вы не знаете, кстати, где?

— Пятая зона, — непонятно ответила женщина, но тут же мотнула головой: — Нет, не знаю.

— Вот видите. Если мы далеко за городом, как мы будем добираться ночью?

— А сейчас?

— Что «сейчас»?

— Как мы будем добираться сейчас, вечером?

— Ну, может, тут ходит какой-то автобус, электричка... Попутку поймаем, наконец.

— Электричка... — прошептала женщина. И снова добавила непонятное: — Пятая зона.

— Что это значит? — не выдержал Тарас.

— Я не уверена, но... Мне кажется, я приехала сюда на электричке. Я помню билет, на нем было написано: пятая зона. Ой!.. — Женщина больно вцепилась ногтями в плечо Тараса.

— Что? Что с вами? — забеспокоился он, вглядываясь в побледневшее лицо. Но женщина уже отдернула руку.

— Ничего. Голова... Уже прошло.

— У вас тоже?... — вздрогнул Тарас.

— А что? — нахмурилась женщина.

— Да нет... Как вас зовут?

— Галина. Это так важно? Что вы там насчет «тоже»?

— Потом расскажу, когда уйдем отсюда. Меня, кстати, Тарасом зовут.

— Я уже слышала.

— Ах, да, — опустил глаза Тарас. Хотел что-то добавить, но Галина снова вцепилась ему в руку и зашипела:

— Тс-сс!..

Тарас и сам уже слышал, что шаги внизу стали отчетливей. Кто-то ходил прямо под ними. Шаги стихли, послышалось металлическое звяканье, словно перебирали столовые приборы.

— Нет, я все-таки спущусь, — шепнул

Тарас. — Он и не думает уходить. И ложиться спать — тоже. Рано еще. Мне здесь сидеть до ночи не хочется.

— Мне тоже, — сказала Галина. — Ладно, сходите. Только... А что, если это не хозяин?

— Знаете что, — близоруко щурясь, завертел головой Тарас, — давайте посмотрим, что тут с окном. Может, оно открывается?

— И мне в него прыгать?...

— Надеюсь, что не придется. Но на всякий случай давайте посмотрим.

Он, все еще босиком, осторожно подошел к застекленному маленькому прямоугольнику, темневшему на стене напротив двери. Окно оказалось закрытым на обычную задвижку, и Тарас, дотянувшись, легко растворил его. Но со стороны улицы мешали ставни. Или же просто окно заколотили снаружи досками. Тарас приподнялся на носки и сильно нажал на среднюю доску. Та скрипнула и чуть подалась. Все-таки это были не ставни, а именно доски. Тарас надавил сильнее. Доска скрипнула громче.

Галина сердито зашипела и замахала руками. Тарас кивнул и на цыпочках направился к ней, прихватив попутно валяющиеся посреди комнаты туфли.

— Там доски, — шепнул он. — Но держатся слабо. Надавите посильней — они отойдут.

— Мне все равно в это окно не пролезть. И оно высоко.

— Пролезете, — заверил Тарас. — А забраться со стула сможете. Там ведь стул? — сощурился он на расплывчатое пятно возле письменного стола, который тоже казался ему пятном, но побольше.

— Да, стул, — буркнула Галина. — Только мне все равно с него не забраться.

— Жизнь заставит — заберетесь, — попытался сострить Тарас. — Да и не такая уж вы маленькая. Вряд ли ниже меня. Если не больше...

— Спасибо за комплимент.

— Извините, — запоздало спохватился Тарас и стал обуваться. Завязав шнурки, выпрямился и выдохнул: — Ну, я пошел. На всякий случай я выключу свет, да?

— Хорошо, — нахмурилась Галина. — Только как я в темноте найду это окно, если что?

— Лучше сразу сейчас возьмите стул и идите к нему.

Галина, осторожно ступая, пошла за стулом. Половицы все же скрипнули пару раз.

«Она не только выше, она еще и тяжелее меня», — неприязненно подумал Тарас. Хотя, в общем-то, он не испытывал особых антипатий к этой женщине. Скорее, наоборот.

Дождавшись, пока Галина подошла к окну,

Тарас направился к двери. Взялся за ручку, а другой рукой щелкнул по выключателю.

— Удачи, — послышался шепот из темноты.

— Ага, — ответил Тарас и открыл дверь.

На лестнице тоже было темно. Сквозь большое окно прихожей пробивался свет уличных фонарей, но его оказалось недостаточно даже для того, чтобы как следует рассмотреть ступени, особенно теперь, когда Тарас лишился очков. В первое мгновение он хотел вернуться, но поборол в себе это желание. Вцепившись в перила и нашарив ногой ступеньку, он сделал первый шаг.

И тут широкий луч света упал на стену прихожей. Дверь в нижнюю комнату находилась под Тарасом, и с лестницы, будучи даже в очках, он все равно бы не сумел разглядеть человека, распахнувшего ее. И сейчас он мог различить лишь неясную тень посреди яркой полосы на стене.

Тень колыхнулась, а потом в прихожей вспыхнул свет. Теперь Тарас хорошо видел ступеньки и поспешил по ним вниз. Но спуститься он не успел. Расплывчатый мужской силуэт возник внизу лестницы, загородив Тарасу путь. Неживой, лишенный эмоций голос отчетливо произнес:

— Ты должен вернуться. Вам нужно видеть. Обоим.

— Что? Чт-то видеть? — выдавил Тарас, с

презрением к себе отметив, как дрожат губы.

Мужчина не ответил, лишь слегка приподнял руку. В ней что-то блеснуло. «Господи, да у него нож!» — мелькнула у Тараса дикая догадка. Он непроизвольно попятился и чуть не упал.

Мужчина шагнул на нижнюю ступеньку. Но Тарас все еще не хотел верить в реальность опасности. Он поднял ладони и, придав дружелюбия голосу, заговорил:

— Пойдите, я все вам сейчас объясню. Мы не воры, мы попали сюда совершенно случайно. Вы можете нас обыскать — мы ничего не украли. Вот, смотрите... — Тарас распахнул пиджак, а потом вывернул его карманы. — Вот, только ключи и мой кошелек. Смотрите, тут всего сто рублей, — расстегнул он портмоне и достал купюру.

— Возвращайся, — не глядя на мечущиеся руки Тараса, произнес незнакомец и сделал второй шаг. — Вы должны быть вместе и все видеть.

Тарас рассеянно сунул сторублевку в карман и застыл с расстегнутым кошельком. От ножа в вытянутой руке мужчины его отделяло не более метра. Тарас, боясь повернуться спиной к блестящему лезвию, нащупал ботинком ступеньку и сделал шаг вверх. Незнакомец тоже шагнул. Тарас, прежде чем подняться еще на одну ступеньку, все-таки оглянулся. Он подумал, что пора дать Гале сигнал тревоги. Может, просто

крикнуть? Но тогда мужчина с ножом оттолкнет его и парой прыжков окажется у двери. Надо его как-то задержать... И дать знать Галине, чтобы та убегала. Или?... Что она там говорила о муже? Если это и впрямь ее муж, может быть, попробовать с ним поговорить?... Вдруг именно в этом все дело! Ревность, все такое прочее...

— Простите, — вновь обратился Тарас к незнакомцу. — Вы ведь муж Галины? Вы, наверное, подумали, что мы с ней тут... — Он начал говорить это и вдруг поймал себя на мысли, что они ведь действительно «с ней тут...». Впрочем, против лжи во спасение его принципы сейчас не протестовали. Напротив, внутренний голос вопил: «Ну, давай, соври что-нибудь поумнее!» Тарас кашлянул, как бы оправдывая заминку, и продолжил: — Нет-нет! Ничего такого не было и в помине. Ваша жена — замечательная женщина, но совсем не в моем вкусе. А уж я — тем более не в ее.

На мужчину тирада Тараса не произвела никакого впечатления. Он все так же медленно, но целеустремленно шагал по ступеням, а Тарас продолжал пятиться. И когда до двери осталась всего одна ступенька, он понял, что тянуть дальше нельзя. Выбросив назад руку, он распахнул дверь и крикнул во все горло:

— Галя, бегите!

Но мужчина, против опасений Тараса, на этот поступок никак не отреагировал. Он по-прежнему размеренно, словно робот, продолжал шагать. И по-прежнему в его вытянутой руке блестел нож, который становился все ближе и ближе, так что Тарасу не нужны были больше очки, чтобы разглядеть его широкое холодное лезвие.

В руках же самого Тараса, кроме бесполезного кошелька, ничего не оказалось, что второй раз за вечер заставило его почувствовать себя голым. Скорее инстинктивно, чем надеясь что-то и впрямь найти, он сунул свободную руку в карман брюк, и пальцы наткнулись вдруг на металл оправы. Тарас выдернул руку, сжимая импровизированное оружие в правом кулаке, а левой рукой, без замаха, швырнул в лицо мужчины портмоне. Незнакомец вскинул руки, защищая глаза, и нож, звякнув о перила, загремел под лестницей. Но вместо того, чтобы спуститься за ним, мужчина зарычал и ринулся на Тараса. Теперь уже у того сработали рефлексы, и выброшенная вперед рука с зажатой в ней металлической оправой попала прямо в лицо нападавшему. Мужчина еще громче взревел и схватился за лицо ладонями. Тарас сумел воспользоваться этим крохотным шансом и что есть силы толкнул незнакомца в грудь. Тот потерял равновесие и, замахав руками подобно живой мельнице, опрокинулся навзничь и полетел по

ступеням.

Тарас, не став дожидаться его приземления, ворвался в комнату, где оставалась Галина. В его близорукие глаза сразу бросилось светлое пятнышко напротив — в окошко пробивался свет полной луны.

7

Когда за Тарасом закрылась дверь, Галя растворилась в себе темнота. Но это не принесло страха. Наоборот, оставшись одна, она почувствовала облегчение. Находиться рядом с Тарасом ей было не то чтобы очень уж неприятно, но некомфортно точно. Она понимала, что неприятие это вызвано единственной причиной. Но даже мысль ней, не говоря о припоминании подробностей, вызывала ужас. Как могло такое случиться? Почему именно с ней? На эти вопросы приходил в голову единственный нелепый ответ: в назидание. А не будь такой «чистюлей», не считай себя выше и лучше всех, не думай, что тебя достойны лишь одни только «прынцы» на белых лошадях!.. Не понравился лысый толстяк Игорь? На вот тебе хлюпика-очкарика — не побрезгуй! И ведь не побрезговала. И ничего, не стошнило. Даже и удовольствие получила вроде бы... Галя стиснула кулаки и прижала к пылающим щекам. «Вот тебе,

вот, — подумала она. — Просила ведь простого женского счастья — тебе и отвалили кусочек. Чего ж ты теперь нос воротишь? Только кто и как это сделал?... Ведь такого не бывает, такого просто не может быть! Что если это все-таки сон?»

На сон происходящее походило, конечно же, больше всего. Только слишком уж долгим он был. И слишком противно она себя в этом сне чувствовала. Нет уж, утешать себя подобным не стоило — никакой это не сон. И сидела она сейчас на дурацком чердаке и ждала, как хозяин этого самого чердака сначала отдубасит... гм-м... ее любовничка, а потом и до нее доберется. И хорошо еще, если просто отmaterит или пару затрещин влепит, а то ведь как бы... еще одно «удовольствие» не получить... Второе за вечер. То пусто, как говорится, то густо. Не зевай, Галка, повалило твое женское счастье, поперло — хоть подолом лови! А между тем дома-то ее Костик ждет.

О-о! Галя чуть не взвыла и подпрыгнула с хлипкого расшатанного стула. Как она могла забыть о сыне? Где он сейчас? Что с ним?! Неужели это «любовное приключение» настолько оглушило ее, что переживания о «поруганной чести» затмили собой самое святое, единственное дорогое и настоящее, что было в ее жизни, — любовь к сыну,

маленькому славному котеночку?...

Галя почувствовала, как ненависть и презрение к себе хлынули через край. Она заскрипела зубами и выхватила из кармана жакета мобильник. Включила подсветку и застонала — на дисплее мигала надпись: «Поиск сети».

Тогда Галя бросилась в сторону двери. Ее не волновали сейчас никакие хозяева — реальные или мнимые, — никакие бывшие мужья и нынешние любовники. Ей было нужно скорее вернуться к сыну. Но когда она потянула дверь, ударивший в глаза свет показался ей настолько ярким, что Галя невольно зажмурилась и остановилась. Это и позволило ей услышать фразу, брошенную чьим-то тусклым и безжизненным, словно у робота, голосом: «Вы должны быть вместе и все видеть». И тут же щелкнул в мозгу выключатель. Выпрыгнула из памяти фраза, сказанная с теми же интонациями Тарасом. Сказанная в тот момент, когда, забыв о сыне, она предавалась уголению похоти!.. Он сказал почти то же самое: «Нужно, чтоб все было видно».

Ну уж нет! Хватит, насмотрелась!.. И, вместо того, чтобы выскочить на лестницу, Галя развернулась и кинулась назад, к заколоченному окошку. Тарас оказался прав — пара сильных ударов, и доска отошла. Столь же легко оторвались и две другие.

Она, балансируя, встала на шатающийся стул и высунула голову в окно. На небе сияла полная луна, и, посмотрев вниз, Галя увидела вскопанные грядки. Что ж, тем лучше. Лишь бы не сломать ногу.

Выбравшись по пояс, она вдруг поняла, что развернуться никоим образом не сможет. Первым желанием было лезть назад и забираться в окошко ногами вперед. Но, оценив ситуацию, она рассудила, что так высоко задрать ноги попросту не сумеет. Тем более — обе сразу. Выход оставался один — прыгать вниз «рыбкой». А там уж — как повезет.

Глубоко вдохнув, словно собралась нырять в воду, Галя оттолкнулась от стены, забарахтала ногами и неуклюже перевалилась через оконный срез. В последний перед приземлением миг она успела подтянуть ноги и плюхнулась на четвереньки, напоследок еще ткнувшись носом в рыхлую землю. Тут же вскочила и, увязая в грядках, попыталась бежать. Но туфли то и дело соскакивали с ног. Тогда Галя взяла их в руки и побежала босиком. Огород был небольшим, однако новым препятствием встал перед нею забор. Доски чередовались с зазорами шириною в ладонь, но не приходилось и думать, чтобы просунуть туда хотя бы голову. Галя подергала ближнюю доску. Та держалось мертво. Подергав соседнюю, затем еще

одну и еще, Галя убедилась, что забор сделан на совесть. Перелезть через него тоже не представлялось возможным — доски высотой почти с нее оказались еще и заострены сверху. Галя метнулась вдоль забора вправо, туда, где в отдалении горели уличные фонари. И тут перед нею вырос черный силуэт, заслоняя этот призрачный свет надежды.

Она вскрикнула и рванулась назад, но рыхлая земля разъехалась под ногами, и Галя, потеряв опору, стала падать. Но упасть ей не дали — руки того, кто стоял позади, больно схватили ее за плечи. С омерзением и ужасом она обернулась, раскрыв уже рот для рвущегося из легких вопля. И услышала испуганный шепот Тараса:

— Нет, нет! Не надо!.. Он узнает...

Галя шумно выдохнула, гася чуть не вырвавшийся крик, но, не успев обрадоваться, что опасность миновала, осмыслила сказанное Тарасом и испугалась снова:

— Кто он? Вы видели его?

— Да, видел.

— Так кто же он?

— Не знаю, наверное, ваш муж.

«Неужели все-таки Роман? — замотала она головой. — Неужели через три с половиной года в нем вспыхнула ревность? И он следил за мной... Да нет же, бред, дикость!» И все же она спросила:

— Как он выглядит?

— Галя, потом... Нам надо бежать. Он... У него нож.

Вот это уж точно дикость! Представить Романа, гонящегося за ними с ножом, она никак не могла.

— Он хочет нас убить? Но почему?

— Пожалуйста, давайте позже поговорим, — взмолился Тарас. — Побежали!

Он схватил ее за рукав и потащил к темному участку забора.

— Но выход там, — выдернула руку Галя и махнула в сторону фонарей. — И поселок там. Нам нужно туда.

— Как раз там он и будет нас ждать. Или уже ждет. Надо выбираться с другой стороны.

— Забор не сломать, я пробовала.

— Ничего, поглядим. Давайте скорее за мной!

Тарас поскакал по грядкам, оглядываясь на Галю. Она не была уверена в логических построениях Тараса, но оставаться одной совсем не хотелось. Размахивая зажатými в руках туфлями, она запрыгала через грядки, рельефно чернеющие в свете полной луны.

Забор поворачивал под прямым углом влево и дальше тянулся вдоль длинной стены дома, буквально в метре от нее. Свет из окна рисовал на некрашенных досках большой желтый квадрат,

перечеркнутый вертикальными черными линиями. Залезать в этот узкий тоннель между стеной и забором показалось Гале равносильным добровольному заточению в клетку. Но Тарас двинулся именно туда.

— Стойте, — окликнула его Галя и остановилась.

— Тише! — зашипел, оборачиваясь, Тарас. — Идемте скорей.

— Куда? Вы что, не видите? — не тронулась она с места.

— Там он нас не увидит, а здесь мы как на ладони, смотрите, какая луна...

— Что ему помешает обойти дом вокруг? И вообще, мы что, так и будем носиться, словно кролики в клетке? — Сравнение с кроликами, нечаянно пришедшее в голову, напомнило ей о том, чем они недавно занимались с Тарасом. Это разозлило Галю и придало ей храбрости. — Вы как хотите, а я пошла к калитке.

Тарас сокрушенно хлопнул по бедрам, а Галя уже сделала шаг в обратную сторону, как вдруг желтый квадрат на заборе пропал. Теперь лишь луна освещала забор голубоватым призрачным светом, делая его похожим на лежащую боком лестницу, ведущую в темноту.

— Тс-с, — зачем-то пригнулся Тарас. — Он выходит!

Действительно, хлопнула дверь. Звякнули ключи, пару раз щелкнул замок. Гале показалось странным, что их преследователь запер дверь — это не укладывалось в логику поиска беглецов. Но спутанным, пристукнутым пыльным мешком мыслям к отсутствию логики за последние часы было не привыкать.

Одно Галя знала точно: тот, кто охотится за ними, — уже вне дома. Стоит ему повернуть сюда, и он их сразу увидит. Она невольно попятилась и шагнула за угол — в тот самый «туннель», куда ей только что так не хотелось идти. Тарас тоже отступил и, прижав ладони к шершавой блочной стене, затаил дыхание.

Они с замиранием ожидали звука приближающихся шагов. Но вместо этого услышали вдруг шум автомобильного стартера, а затем сыто заурчавшего двигателя. Клацнули шестерни коробки передач, мотор заурчал громче, а потом его звук стал быстро удаляться.

— Уехал, — выдохнула Галя. — Можно идти.

— Куда? — оторвался от стены Тарас и сунул ладони под мышки, словно ему стало зябко.

— Как это куда? Искать станцию. Не знаю, как вас, а меня ждут дома. — Галя наклонилась, надела туфли и, выпрямившись, бросила, не глядя на Тараса: — А вы можете оставаться, если хотите. Всего доброго!

Она зашагала к калитке и вышла на пустынный проулок. В дальнем его конце тусклые фонари освещали домики с темными в столь поздний час окнами, и Галя уже направилась в их сторону, как ее догнал Тарас.

— Пойдите. Туда нельзя!

— Я вас никуда и не зову, — не оборачиваясь, бросила Галя.

— Но послушайте, вы же умная женщина!..

— Да? — все-таки остановилась она. — Как это вы догадались? По тому, что переспала с вами?

— Ну зачем вы так... — Тарас опустил голову и замотал ею, словно собрался бодаться. Гале внезапно стало смешно.

— А как? Может, мне поблагодарить вас за доставленное удовольствие?

— Не надо, прошу вас, — вздрогнул Тарас и поднял на Галю блеснувшие в лунном свете глаза. Ей показалось, что в них стоят слезы, и она пожалела о сказанном.

— Ладно, простите. Вы не виноваты. Простите, но... понимаете сами. И пойдете, а то я пойду одна. Будь я умной или не очень, но мне надо домой.

— Да как же вы не понимаете, — взмолился Тарас, — что он нас там и ждет? Ведь он же знает, что нам больше деваться некуда.

— Он давно уехал. Ну, подумайте, зачем мы

ему нужны?

— То есть он затащил нас сюда просто так, чтобы немножечко попугать, а потом ему это надоело, он взял и уехал?

— Не знаю. — Галя вспомнила все обстоятельства этого вечера, и ей вновь стало страшно. А еще — оглушительно мерзко. До отвращения, почти до тошноты. И она закричала, выплескивая переполнявшие ее чувства на Тараса: — Я ничего не знаю! Ничего, кроме того, что меня ждет сын! Мне плевать, кто меня сюда приволок и зачем; мне плевать, кто ты такой! Проваливай, куда хочешь, катись в задницу или жди здесь своего дружка! Может, ты с ним заодно? Оболванили меня чем-то, притащили сюда и использовали. Правда, он не успел, потому ты меня и не пускаешь? А он сейчас еще дружков привезет, да?!

Галя выкрикивала все это, будто бы слушая себя со стороны. Сначала ей было невыносимо стыдно за те гадости, что слетали с ее языка, хотя она и не могла остановиться. А потом ей вновь стало страшно — ведь все, что она сейчас нагородила, так логично укладывалось в схему событий!.. А весь этот спектакль с прятками — просто игра скучающих выроdkов, не более...

Но тогда... Тогда ей и впрямь нельзя идти к станции. Надо немедленно избавляться от этого тощего убудка и прятаться! Или нет — лететь к

ближайшему дому и кричать, стучаться... Завтра не выходной, но ведь кто-то в конце мая должен же здесь обитать!

Галя замолчала, с ужасом вглядываясь в округлившиеся глаза Тараса. «Ага, испугался, что я его раскусила!» — уверилась она в собственной правоте и медленно наклонилась, словно поправляя туфлю. На самом же деле она быстро сорвала ее с ноги и со всего маху припечатала каблуком Тарасу между глаз. Тот взвыл, зажав ладонями лицо, и завертелся на месте. Галя же, прыгая на одной ноге, цепляла на другую вырывающуюся из рук туфлю. А когда ей это наконец удалось, опрометью бросилась к спасительным домам, темнеющим в конце переулка.

8

Боль оказалась ошеломительной — но все-таки не такой сильной, как при загадочных приступах. Наверное, как раз потому, что она была не пугающе непонятной, а реальной, вполне объяснимой. Хотя как сказать — понять поведение Галины он все-таки не сумел бы, очевиден лишь источник пульсирующей боли. Конечно, мыслить столь последовательно Тарас сейчас не мог. Все это пронеслось в мозгу путано, скорее, на уровне эмоций. Первое же, о чем он подумал

сознательно, — что эту взбалмошную дуру надо срочно остановить. Подумал — и устыдился. Никакая Галина не дура. И вовсе не взбалмошная. Ее выдержке оставалось еще поучиться. И то, что срыв все-таки наступил, совершенно естественно. Но остановить ее все равно нужно. Только вот как?

Превозмогая боль, которая и стала внезапно подсказкой к решению, Тарас, не обращая внимания на льющуюся из носа кровь, крикнул в спину убегающей Галины:

— А как же боль?... Наша общая. Я обещал рассказать, помните?

Из-за разбитого носа прозвучало все это гнусаво и неразборчиво. Но, видимо, Галина услышала главное. И тотчас, будто наткнувшись на стену, остановилась. Медленно, словно боясь увидеть нечто ужасное, повернула голову и что-то негромко сказала.

— Я не слышу, — зажав кровоточащий нос, ответил Тарас.

Галина вернулась, но все-таки встала достаточно далеко, готовая в любой миг снова рвануться и побежать.

— Рассказывайте.

Тарас шмыгнул носом. Заполнившая ноздри кровь мешала говорить внятно. Он вспомнил, что в нагрудном кармане пиджака обязательно должен быть платок, мама чуть ли не ежедневно меняла

ему эти платки, настойчиво засовывая их в карман. Так и есть, платок оказался на месте. Тарас осторожно высморкался, а когда отнял бывший только что белым квадрат ткани от носа, тот в лунном свете показался ему черным. «Кровь и должна быть черной, — внезапно подумал Тарас. — Она вымывает из нас столько грязи, что иной ей быть попросту невозможно».

— Рассказывайте, — повторила Галина, и Тарас, скомкав окровавленный платок, стал сбивчиво говорить ей о преследовавших его приступах боли.

Выслушав не перебивая, Галина переспросила:

— Когда у вас был первый приступ?

— Вчера. Да, вчера вечером, — ответил Тарас. И осторожно спросил: — Вы мне верите?

— Не знаю, — честно призналась Галина. — Вы могли все придумать, когда я сказала, что у меня болит голова.

— Но зачем? Зачем мне это придумывать? — воскликнул Тарас и сглотнул, едва не подавившись собственной кровью. — Я никакой не маньяк и не насильник, поверьте! Я простой школьный учитель.

— Да? — неожиданно и непонятно отчего развеселилась Галина. — И что вы преподаете?

— Русский язык и литературу.

— Жаль, — хмыкнула Галина, и если бы не

близорукость Тараса, он увидел бы, что женщина немного расслабилась, выражение лица стало совсем иным, во взгляде пропала обреченность. — Лучше бы это... как оно там у вас называется?... Основы соблюдения безопасности?

— Основы безопасности жизнедеятельности, — поправил Тарас. — Но нет, увы. Только русский и литературу.

— А ну-ка! — оживилась вдруг Галина. — Сейчас проверим, кто вы есть. Скажите-ка, что такое тропы?

— Тропы? — шмыгнул носом Тарас. — Дорожки такие, сделанные ногами людей или животных. В лесу, в степи там... в общем, где нормальных дорог нет.

Галина напряглась. Тарас не мог это увидеть, но почувствовал. И с легкой ехидцей в голосе добавил:

— А то, что вы имеете в виду... Троп — это такой оборот речи, для усиления ее выразительности. Когда слова или выражения употребляются в переносном смысле. Эпитет, метафора, сравнение и все такое... Годится?

— Вполне. — Из голоса Галины исчезла настороженность. — Хотя в принципе отчего бы школьному учителю не быть маньяком? Примеров хватает.

— Да ладно вам, — снова шмыгнул Тарас. —

Сами-то откуда про тропы знаете?

— На журфаке училась, — буркнула Галина и быстро сменила тему: — Так что делать будем, учитель?

— Для начала... — сказал Тарас, но кровь опять хлынула струей на подбородок, и он задрал голову, нашаривая в кармане платок.

— Для начала нужно вам первую помощь оказать, — подошла к нему Галина и сама достала окровавленный кусок ткани. Критически его осмотрела и покачала головой: — Да уж... Надо бы воду найти. Есть ведь тут какие-нибудь колонки, колодцы?

— Ддесь река ездь... — прогундосил Тарас, не опуская головы.

— Да-да, я что-то такое помню, — кивнула, вглядываясь в темноту, Галина. — Только вот где?

Тарас махнул рукой в сторону той самой злополучной дачи, на которую Галине даже смотреть не хотелось. Домик, где пришлось им так «романтично» познакомиться, был самым крайним в поселке. А дальше, меж кустов и редких деревьев, и впрямь поблескивала лунной дорожкой вода.

— Пойдемте. — Немного помедлив, Галина взяла Тараса за руку, поскольку он так и стоял, взирая на луну и звезды зажав пальцами ноздри, и повела его к реке. Но все же взяла намного правее дачи, хоть и пришлось сойти с дорожки в довольно

густую траву.

Тарас шагал за Галиной послушно и молча, лишь изредка чертыхался, когда ноги пугались в траве и спотыкались о кочки. «Удивительное существо человек, — рассуждал он, обращаясь, видимо, к звездам, поскольку смотрел по-прежнему на них. — Ничтоже сумняшеся, лупит ближнего по лицу, а потом за ручку, как любимое дитяtko, ведет смывать кровушку. После того ведет, как тот самый ближний напомнил, что у них общая боль. Не радость, не интересы, а именно боль. Только она, видимо, и сближает людей, делает их терпимее друг к другу. Не потому ли человечество так любит воевать, чтобы потом, обнявшись с бывшим недругом, погоревать над обоюдными ранами?» Впрочем, философствовать Тарасу пришлось недолго — скоро уже Галина испуганно крикнула: «Стойте!» — она сама чуть не шагнула в пустоту внезапно возникшего под ногами обрыва.

Несколькими метрами левее обнаружился пологий спуск. Берег оказался глинистым, и у самой воды следовало быть осторожными, чтобы не соскользнуть в реку. Так что Тарасу волей-неволей пришлось опустить голову, и кровь опять принялась сочиться, хоть и не текла уже ручьем, как поначалу.

Галина отобрала у него платок и прополоскала в реке. Слегка отжала и велела «раненому»:

— Повернитесь к свету.

Он послушно обратил лицо к луне. Галина подошла вплотную, и Тарас, скосив глаза, с непонятной досадой убедился, что она все же чуть выше его. Хотя в данной ситуации это оказалось лишь на руку — Галине не пришлось тянуться, чтобы смыть с его лица кровь. Затем она вновь сполоснула платок и подала Тарасу:

— Приложите к переносице.

Но тот не отреагировал, удивленно глядя за спину Галины.

— Огоньки... — неуверенно пробормотал он.

— Какие еще огоньки? — обернулась Галина. И тоже увидела невдалеке пятнышко света. Появился было и второй лучик, но быстро погас. Галина немедленно отреагировала: — Посмотрим?

— Ну-у... — протянул Тарас, не найдясь, что ответить. Едва выпутавшись из одного приключения, он очень не хотел попадать сразу в следующее. Между стрессовыми ситуациями он предпочитал делать хотя бы небольшую передышку. Впрочем, сейчас помощь оказалась бы очень даже кстати. А риск сразу же после встречи с одним маньяком нарваться на новых казался не слишком большим.

Наверное, Галина подумала так же, поскольку, напомнив Тарасу: «Прижмите платок», зашагала к непонятным огням, аккуратно переставляя ноги по

скользкой глине.

«Все, сыночек, вырос. Мамочка больше за ручку водить не желает», — подбодрил себя шуткой Тарас и последовал за Галиной, послушно прижав прохладный платок к переносице.

Странные огоньки оказались обычными фонариками, которыми подсвечивали в воду двое мужчин, стоявших в лодке метрах в пяти от берега. Поначалу они засуетились, погасили свет, но, поняв, что на берегу всего двое, к тому же один из них женщина, успокоились и снова включили фонарики.

— Кто такие? — начальственным тоном бросил один из мужчин.

«Сами мы не местные», — хотелось съерничать Тарасу, но помощь нужна была все-таки им, а не людям из лодки, поэтому, прикрывая глаза ладонью от яркого света фонарика, он сказал:

— Мы из города. Заблудились вот... И, похоже, на электричку опоздали.

— Электрички по реке не ходят, — произнес второй голос, более приветливый, нежели первый.

— Мы уже догадались, — не удержалась от колкости Галина.

— А от нас чего надо тогда? — буркнул «начальник».

— Может, вы нас подвезете? — вырвалось

вдруг у Тараса.

— Ни хрена себе! — засмеялся «приветливый». — Мы что вам, извозчики?

— Мы рыбу ловим, не видите? — сказал первый мужчина и посветил на борт лодки. Тарас прищурился, но ничего разглядеть не сумел. Впрочем, ситуацию прояснила Галина, которая едва слышно шепнула:

— Ага, так я вам и поверила. Удочку достали, видите ли. А то не понятно, чем вы тут занимаетесь...

— А чем они занимаются? — так же тихо прошептал Тарас.

— Сетки ставят, что же еще? Браконьерят помаленьку.

— Откуда вы знаете? — удивился Тарас. Живых браконьеров ему еще видеть не приходилось.

— Журналистский нюх, — буркнула Галина.

— Чего это вы там шепчетесь? — с подозрением спросил начальственный тип.

— Решаем, как вас уговорить, чтобы вы нам помогли, — нашелся Тарас.

— И что решили? — поинтересовался более приветливый рыбак.

— Сто рублей вас устроят?

Браконьеры дружно загоготали. Отсмеявшись, первый мужчина стал даже «добрее» в голосе:

— Ну, посмешили, спасибо. Давайте, идите себе, не пугайте нам рыбу.

— А двести? — как ни в чем ни бывало спросила Галина.

— Пятьсот, — ответил «приветливый». — И только до станции.

— Сколько у вас? — шепнула Тарасу Галина.

— Только сто, — виновато шмыгнул он носом.

— А за мобильник до города? — продолжила торг с рыбаками Галина.

— Какой мобильник? — В голосе второго мужчины проклюнулся интерес. Галина назвала модель.

— Ну-у!.. — протянул тот же голос. — За такое старье только до станции.

— Зачем нам до станции, электрички же ночью не ходят! — вставил реплику Тарас.

— Скоро московский пройдет, — сказал первый рыбак.

— Он ведь в Ряскине не останавливается, — шепнул приятелю второй браконьер, но Галина услышала.

— А где останавливается?

— В Генсирово, — виновато, словно оправдываясь перед другом, ответил мужчина.

— Значит, везите до Генсирово, — не сдавалась Галина.

Рыбаки пошептались, и первый, опять вернув голосу начальственную спесь, буркнул:

— Телефон и двести сверху.

— Да что же это... — возмутился было Тарас, но Галина больно пихнула его локтем в бок и ответила браконьерам:

— Сто сверху. Нам же надо на что-то билет купить.

— Хрен с вами, — сплюнул «начальник».

В лодке загремело, слышались негромкие всплески весел. Вскоре дюралевый нос зашуршал о глинистый берег.

Галина первой вскарабкалась на борт. Никто из сидевших в лодке даже не шелохнулся, чтобы помочь ей. Тарас скрипнул зубами, но промолчал, хотя был сейчас невероятно зол и на алчных рыбаков, и на себя, и даже на Галину — за то, что создавшейся ситуацией она невольно показала его бесполезность и даже никчемность.

Рыбаки уже завели мотор, пока Тарас забирался в лодку. Не успел еще даже усесться, как суденышко резво рвануло вперед, и он больно хлопнулся мягким местом о скамейку.

9

Галя молчала до самой станции. Под шум лодочного мотора особенно не побеседуешь, но,

самое главное, говорить ей ни с кем и не хотелось. Не с браконьерами же? С теми уже все обсудили. А с Тарасом... Нет, с ним тем более. Пока сплывала их общая опасность — пришлось поневоле стать ближе, забыть то, что мешало делу. А вот сейчас эта близость схлынула вместе с пиком тревоги, зато тут же замелькали воспоминания о другой близости — бессознательной, животной, а потому особенно мерзкой. Хоть Галя и понимала умом, что Тарас виноват в этом не больше ее самой, но поделаться с собой ничего не могла. Отвращение к произошедшему автоматически распространялось и на Тараса. Ну, к нему, может, не совсем уж отвращение, но неприязнь — однозначно. Это не относилось к внешности Тараса, она вообще не считала внешность мужчин особо значительным фактором, хотя в мечтах и представляла своего избранника куда презентабельней. Но, во-первых, Тарас, хвала всем святым, не был ее избранником, а во-вторых, теперь, приглядевшись к нему, Галя пришла к выводу, что внешне он не так уж и неприятен, разве что чуть повыше ему быть не мешало, да покрепче. Впрочем, ей-то какое дело до его внешности? Пусть хоть полным уродом будет, хоть красавцем писанным — ей это все равно. Или... нет?... Да ну, вот уж дикость! Не нужен и даром ей этот близорукий хлюпик! К тому же она никак не могла окончательно прогнать от себя гадкую

мысль, что Тарас все-таки врет, что он замешан в этой кошмарной истории не как жертва, а как исполнитель или даже организатор. Понимала, что это бред, паранойя, а вот не уходили подобные мысли — и все тут!

Да еще мысли о Костике... Галя так и не могла вспомнить точно — просила ли она маму забрать внука из садика, или это лишь придумалось ей в бреду. Да нет же, конечно, просила! Не могла она про своего котеночка забыть, ну никак не могла!

Не могла?... А ведь забыла, когда... предавалась страсти с Тарасом! Дикость, дикость! Опять!.. Неужели теперь все оставшиеся годы придется с этим жить? «А как ты хотела, голубушка? — злорадно поддела себя Галя. — Хоть башка у тебя и плохо соображала, а ножки раздвинуть соображалки хватило! Никто тебя не насиловал. Так что, Галя, кто ты есть на самом деле — тебе и самой теперь ясно стало. И что тебе дороже всего, когда ничего на мозг не давит, тоже понятно».

Галя скрипнула зубами. Нет, это уже навязчивое состояние какое-то. Она зациклилась на одном. Надо бы мысли куда-нибудь сдвинуть, чтобы не сумели они вернуться опять в то же место. Но куда? Разве что поразмыслить о том, как такое вообще могло с ней случиться? И что именно

произошло? Почему она поехала в этот неизвестный поселок, зачем полезла на чужую дачу?... Ведь сделала она это сама — нет следов от веревок, не болит голова от удара по темечку... Хотя!.. Голова... Да-да, именно голова. Эти странные головные боли в последние дни, не в них ли кроется причина? Но тогда — что является причиной самих болей? Болезнь? Опухоль? Но ведь и Тарас говорит, что его тоже преследует головная боль, и тоже со вчерашнего... нет, уже с позавчерашнего дня. Не может это быть простым совпадением, ох, не может!

Додумать Гале не удалось. Мотор сменил тональность, лодка стала поворачивать к темному берегу, постепенно замедляя ход. Впрочем, берег был не таким уж и темным — из-за кустов и деревьев мигнул огонек, затем другой, а потом, почти сразу — целая россыпь. «Рыбаки» заглушили двигатель, и тишину нарушало теперь лишь легкое шуршание рассекаемой лодочным носом воды. Как ни странно, но Гале показалось, что вода именно шуршит, словно мятая газетная бумага. От этого звука стало неуютно и тревожно. Приближающийся берег словно не сулил ничего хорошего, а река знала об этом и, по-старушечьи пришепетывая, хихикала.

«А что если он ждет нас там? — вспыхнула